— Тихонько, осторожней, здесь ступеньки,— прошептал кто-то над ухом Макеева.

И не было больше ни утра, ни пения, ничего — только холодная ночь, черная машина, невообразимое...

Перевод Элен Грей

Продолжение следует.

Вел. Рыбаков „Доверие"

Анонс

...Итак, три основных общественно-исторических фактора послужили «органическими» препятствиями к осуществлению демократии в Советской России первых шести лет ее существования — отсутствие пролетарского большинства в населении страны, культурная отсталость трудящихся и одиночество пролетарской республики в могущественном и враждебном окружении.

При самом общем взгляде на историю страны в годы после Ленина видно, как эти объективные препятствия демократизации постепенно изживались...

Однако в силу причин, многократно и всесторонне обсуждавшихся в нашей печати после апреля 1985 года, в развитии отношений между рабочим классом и крестьянством, в социальной, экономической и культурной политике страны были допущены серьезные ошибки, приведшие к отходу страны от линии демократического развития, предначертанной Лениным...

Так подытоживает свою статью-исследование «Октябрь и демократия» доктор исторических наук Б. Ф. Ливчак. Статья публикуется в следующем номере «Урала».

 1989

127

В теплой тьме сидели двое. Один, охватив угловатые колени руками, угрюмо глядел туда, где за мохнатыми призраками прибрежных пальм затаенно мерцала плоская громада океана. Другой, поглаживая эфес лежащей рядом шпаги, запрокинув голову, всматривался в магический разлет слепящих светил.

— Интересно, там звездное небо такое же красивое?

— Подумать нелепо — ты тут, а я там,— голая рука смутным светлым промельком взлетела вверх, к небу, и опустилась вновь.— Прямо лететь не хочется.

— Не ври. Лучше пошли выкупаемся.

— Сейчас. Там отпляшут, и пойдем. Вместе.

— Не хочешь без нее?

— Ничего не хочу без нее.

Помолчали.

— Без тебя я тоже ничего не хочу, Дикки! Я даже отказаться думал... пока не узнал, что она летит. И как это тебя не пропустили?

— Я слышал, там что-то с кровяными тельцами. Что за колонист, если с ним самим надо возиться... хотя...

— Уж-жасно жалко, я просто не знаю, как буду без тебя.

— Я еще поборюсь,— сказал Дикки многозначительно.— А вам, не гневи судьбу, здорово повезло, что вы летите вместе, Гжесь.

С резким скрипом раскрылась дверь в коттедж, на ступенях которого сидели парни. Изнутри выпал широкий сноп желтого света, и стволы ближайших пальм чуть засветились в ночи. На пороге стояла девушка лет восемнадцати; бивший ей в спину поток мягко и дымчато наполнил глубину ее легкого платья, и Гжесь, судорожно обернувшись на звук, сразу отвел взгляд, облизывая пересохшие губы.

— Легка на помине! — сказал Дикки бодро.

— Ах, даже так! — ответила она.— Буки! Сидят тут в темноте и еще, оказывается, мне косточки перемывают! От кого скрываетесь?

— Да вот, противоречие возникло,— объяснил Дикки.— Я его зову купаться, а он мной пренебрегает, не хватает ему дамского общества для полной эстетики.

— Прекрати! — прошипел Гжесь, но Дикки и бровью не повел.

— За такие разговоры, мальчики, в мое время вызывали на дуэль,— сказала девушка.— Я бы на вашем месте, сэр Ричард, встала сейчас и стрясла пыль с этого тюхти.

— Идея! — воскликнул жизнерадостный Дикки и вскочил, проворно цапнув лежавшие на песке крест-накрест шпаги.— Сударь, я, по присущему мне миролюбию, сам и не догадался бы, но прекрасная леди Галка открыла мне глаза на вашу подлую сущность! Защищайтесь! Галь, будь моим секундантом.

— С превеликим удовольствием,— ответила Галка и села на верхнюю сту-

Вячеслав Рыбаков, "Доверие" и 1. Пассатиров
Урал 89-1

пеньку, чинно сложив руки на коленях. Дикки швырнул одну из шпаг нехотя вставшему в позицию Гжесю.

— Может, и моим заодно? — поймав шпагу за рукоять, хмуро спросил тот.

— А я сейчас приведу кого-нибудь! — воскликнула Галка с неестественным энтузиазмом и вскочила, но Дикки яростно зарычал хриплым пиратским голосом:

— Не следует путать в это дело лишних людей! Лишний свидетель — это лишний труп. Решим этот наболевший вопрос полюбовно, в своем кругу.

Галка засмеялась и села снова.

— Уломал. Тебе бы вместе с Чанаргваном публичные речи говорить.

— Я многоталантен и одинок в силу этого! — возвестил Дикки.— Итак, сударь, прошу вас!

Бретеры в плавках запрыгали по теплому песку, взрывая его босыми ногами. Светлые клинки, слетаясь, со звоном рассыпали по ночному воздуху осколки звездных бликов. Дикки кровожадно скалился, левой рукой время от времени непринужденно изображая, будто лорнирует противника, или подкручивает несуществующие усы, или обнимает стоящую рядом воображаемую красотку — словом, веселился всласть и постоянно сообщал для общего сведения: «Ап!», «Бьюсь!», «Рипост, сударь!», «Туше...».

Гжесь отступал, и Галка, после первых азартных взвизгов, озабоченно замолчала и сидела, сдвинув брови, стиснув колени и напряженно выпрямив спину. Наконец не выдержала:

— Да тише ты, леший! Вот наборзел!

— Вы мне льстите, графиня,— ответил Дикки, ничуть не задохнувшись.— Не далее как прошлым летом я имел удовольствие отдыхать на острове Монтагью, что из архипелага Южных Сэндвичевых. Во время моего там пребывания... э-э... во вверенную мне гавань зашел королевский корвет, имея целью пополнить запасы пресной воды и солонины и дать отдых матросам. Капитан корвета Выонг Хоай — джентльмен, исполненный всяческих достоинств, блестящий фехтовальщик и учтивейший дворянин, оказал мне честь и ежедневно проводил со мною два-три часа в спортзале, покуда его корабль не покинул гостеприимного порта.

— Это тот Выонг, который серебро на позапрошлом чемпионате...

— Именно он, графиня. К сожалению, злая судьба воспрепятствовала нашим новым встречам...

— А что такое? — спросил Гжесь.

— А помнишь, передавали: лопнул ледник в Антарктиде, и вскрылась старая империалистическая база с колоссальным запасом каких-то ОВ. Пытались локализовать, но — места-то безлюдные, пока заметили... Весь берег, всю воду прибрежья потравило. До сих пор борются. Я звонил Выонгу — он же эколог по профессии, так я понял, что им там более чем не до отпусков. Хотя он почти ничего не рассказывал.

— Мерзость какая! — пробормотал Гжесь.— Вот запакостили планету. Сколько лет прошло, а все-таки что-нибудь да выныривает. Яды, бомбы...

— А вы драться будете еще? — спросила Галка.

Дуэлянты вдруг обнаружили, что когда-то уже перестали фехтовать и стоят просто так.

— Да ну его,— невнятно сказал Гжесь.

— Так я никому и не понадобилась,— сокрушенно сказала Галка.— Зря только корпию дергала...

Дикки протолкался меж танцующих, галдящих друзей к столу, на ходу зачерпнул ложку салата. Я обязательно полечу, думал он, энергично жуя. Сердце его пело, кровь горячо, туго билась в висках. Он слегка приплясывал под музыку. Обязательно. Среди ста тысяч народу затеряться — плевое дело. Пролезу завтра зайцем, мне ли их электронику не обмануть, на стартовом поле этом. Он дожевал, проглотил и, не присаживаясь, по-прежнему притопывая в такт мелодии, зачерпнул еще. Вот мама только... На миг он перестал жевать. Ну ладно. Что об этом. Когда там самые трудности пройдут и станет вроде как на Земле, я вернусь, конечно. Но если все время про маму думать, мужчиной никогда не станешь и ничего в жизни не сделаешь. А, все обойдется, все будет прекрасно, только бы пробраться на корабль! Такое дело начинается — нельзя, чтобы без меня! Второе солнце станет человеческим, и уж я обязательно приложу к этому руку! Гжесь — мальчишка, пусть милуется со



Вячеслав Рыбаков — кандидат исторических наук, сотрудник Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР. В 1979 году в журнале «Знание — сила» напечатал свой первый научно-фантастический рассказ. С тех пор в периодике и в сборниках, посвященных фантастике, опубликовано более десятка его произведений. Лауреат ленинградского творческого смотра «Молодость. Мастерство. Современность» за рассказ «Первый день спасения». Лауреат Государственной премии РСФСР за киносценарий «Письма мертвого человека». Сейчас в Ленинградском отделении издательства «Советский писатель» и в ФРГ готовятся к изданию сборники повестей и рассказов В. Рыбакова.

своей голенастой, раз это для него интереснее всего — на Земле ли, на Терре... Мы станем галактической расой наконец. Эх ты, Гжесь! Полечу! Полечу!

МЭЛОР

Когда Бекки подкралась сзади, Мэлор не обернулся, делая вид, что не слышит ее бережных кошкиных шагов. Она, конечно, боялась ему помешать — пусть думает, что не помешала. Хотя он не работал. Он сидел, уставясь в бумаги, и пытался представить, что делается сейчас на лайнере. Наверное, пассажиры уже расходятся по нейтрализационным камерам. Бекки несколько секунд дышала над Мэлоровым плечом, а потом спросила тихонько:

— Ждешь?

Она все сразу поняла. Она все всегда понимала сразу.

— Ну, в общем...— он зажмурился.

— Все ждут,— вздохнула она.— Ты... ты почему все-таки не подал заявления?

— Зачем? — спросил он.

— Привет! Как это «зачем»? Даже я подавала!

— Я знаю.

После того как ее отбраковала медкомиссия, он сжег уже заполненный бланк с заявлением, лежавший в верхнем ящике стола. Он не хотел — один. Странно, неужели вот об этом даже она не догадывается? Он открыл глаза и обернулся. Она немедленно расцвела улыбкой, встретив его взгляд. Она была маленькая, тонкая, с хрупкой копной каштаново-рыжих волос, которые острыми, загибающимися вверх языками скатывались поверх свитера к отчетливым лопаткам и небольшой груди. Мэлор осторожно запустил пальцы в эту копну.

— Идем в зал,— сказала Бекки виновато.— Уже собираются.

— Идем,— ответил Мэлор и поднялся. Они вышли из уютной каюты в коридор, двинулись к лифту. Мэлор кусал губу, Бекки молча шла рядом и время от времени заглядывала ему в лицо.

— Генераторы не погасили? — вдруг встревожившись, спросил Мэлор.

— Нет,— тихо ответила она.— Конечно, нет.

— Правильно... Праздник праздником, а статистика пусть набегает. Мощность на выходе та же?

— Конечно.

— И датчики ничего не регистрируют, естественно.

— Ничего пока...

— У меня такое чувство,— сказал Мэлор,— что сегодня обязательно будет результат.

Бекки украдкой вздохнула.

— Товарищи персонал Ганимедского института физики пространства! — возгласил, поднявшись с искрящимся бокалом в руке, Карел.— У нас, как и у остальных пятидесяти миллиардов человек человечества, сегодня торжество. При всем том среди нас присутствует странная личность. Вы догадываетесь, кого я имею в виду?

Полтора десятка человек, сидящих за праздничным столом, уставились на Мэлора, оживленно рокоча: «Нет! Не догадываемся!»

— Я имею в виду одного из самых молодых наших сотрудников — хотя все мы тут, правду сказать, не старые... Мэлора Юрьевича Саранцева.

Раздался одобрительный гул.

— Эта странная личность — единственная из нас, которая даже не подала заявки в медкомиссию. Все сделали это, и двое наших, как известно, прошли отбраковочные тесты. По окончании работ по общей теме они вне очереди примкнут к славному отряду переселенцев.

— Вешать личность! — взревели все. Карел качнул бокалом.

— Я не шучу.— От скрытой обиды его голос был излишне резок, и сразу стало ясно, что если до этого он хотел говорить щадяще, пряча чувства за иронией, то теперь выскажет все впрямую.— Меня это, признаться, удивило. Факт такой социальной индифферентности, прямо скажем, настораживает. Должен настораживать. Во всяком случае, меня насторожил. Сейчас, конечно, не время и не место, но я пользуюсь случаем привлечь общее внимание к факту, в котором обязательно нужно будет разобраться. Неужели наш коллега, столь храбро громящий основы теории надпространственных взаимодействий и не боящийся авторитетов, реальных-то трудностей все же боится в душе? Но, спрашивается, кому, как не молодым, здоровым, одаренным...

— Вот закончу работу и подам,— ни на кого не глядя, бросил Мэлор. Его лицо пылало.— Я... я по-прежнему уверен,— заговорил он, надавливая на каждое слово и даже чуть качаясь всем корпусом в такт своему речитативу,— что мы уже давно получили связь, только разглядеть ее не можем. Наши датчики не... не адекватны. Мы плохо понимаем, что именно делаем. Но мы же делаем! Наши излучатели создают...

— Слышали, и не раз,— перебил его Карел.— Одно к другому не относится. Я не о том.

Мэлор вдруг поднял глаза.

— У меня такое чувство,— беззащитно сказал он снова,— что сегодня обязательно будет результат.

— Да ладно вам,— примирительно сказал Костя.— Полминуты осталось.

— Да,— спохватился Карел.— Пожелаем успеха первым переселенцам! От них в значительной мере зависит успех всей миссии. Находящийся в старт-зоне в десяти миллионах километров от нас корабль с двумястами пассажирами на борту, загруженный гигантским запасом продовольствия, механизмов, стройматериалов и необходимого... э... инвентаря (все прыснули), уходит в свой исторический рейс. Ура!

Держа бокалы в вытянутых руках, все встали, гусарски отбросив распрямленными ногами легкие стулья, и со вкусом, ребячась, закричали «ура». Будто в ответ на их прорвавшийся восторг, на громадном, во всю стену зала, экране, распахнутом в жутковатую ширь звездного космоса, моргнула крохотная оранжевая вспышка, и голоса персонала сами собой налились серьезностью.

Персонал завидовал.

Костя, не удержавшись, ткнул Мэлора пальцем под ребро — дернувшись, тот едва не выронил бокал — и лукаво сказал: «Вот это результат так результат!»

РИНАЛЬДО

Было ватно тихо среди тяжелых портьер, ковров, кресел. Ринальдо Казуаз придвинул диктотайп, но только пожевал сухими губами и отодвинул вновь в даль стола. Секунду смотрел на свою маленькую ладошку. Вот он кончит речь, и что дальше? Что предпримет адмирал всея Земли?

От бешеного круговорота мыслей, одновременно и немощных, и исступленных, болезненно зудело под черепом. Ринальдо не знал до сих пор, что бессилие умственного тупика дано человеку в ощущениях.

Он тронул панель монитора. Из стены над столом вымахнул свет экрана, и возбужденный, энергичный Чанаргван, звонко рубя фразы, разорвал и смел тишину:

— Мы хотим, чтобы грядущие поколения никогда не знали перенаселения, скученности, экологической напряженности. Мы хотим, чтобы иные солнца стали солнцами людей, иные планеты — нашими домами. Терра — первый из

таких домов, ее прекрасное солнце — первое из новых солнц человечества. Десять минут назад стартовал...

Это смотрела и слушала вся Земля. Пройдут минуты — это увидит и услышит Венера; потом Марс; потом колонии на астероидах, потом... потом... Ринальдо погасил монитор.

Тишина снова повисла, как тяжелый пыльный бархат. Ринальдо провел рукой по лицу, а потом положил руки на широкие мягкие подлокотники кресла и прикрыл глаза. Кошмар, думал он. Кошмар. Какой кошмар. Выступление нельзя было отложить — люди ждали его в момент старта; и они с Чанаргваном не смогли даже парой слов обменяться, когда пришла шифрограмма, Чанаргван только медленно сглотнул, глядя в текст, а когда он поднял глаза, они полны были детской, недоуменной обиды. И ошеломленный Ринальдо даже не успел втянуть воздух в легкие, чтобы произнести хотя бы слово; оператор из соседней комнаты — восторженный, гордый от своей роли в этот великий миг — выкрикнул: «Эфир!!», и Чанаргвана развернуло. Но, пока он шел к камерам, он принял решение. Он говорил то, что и собирался говорить. Или он уклонился от решения и всего лишь говорил то, что собирался говорить? Но это тоже было решение.

Растворилась одна из дверей за портьерами.

— Можно? — спросил осторожный молодой голос. Ринальдо обернулся, но так неудачно, что где-то под ложечкой зацепилось нечто, и резкая боль продернулась внутри, заставила принять прежнее положение, натужно выпрямиться в кресле, а затем развернуться вместе с ним.

— Конечно,— произнес Ринальдо, переведя дух.— Я тебя жду.

Вошедший юноша был удивительно похож на молодого Чанаргвана — такой же смуглый, жгучий, широкоплечий. Сын. Сын Чанаргвана и Айрис. Он явно был иного мира; его живой жар, его загар выглядели в сумеречном навороте ковров, портьер и кресел словно капля расплавленного золота в преющей теплой трухе.

— Здравствуй,— сказал Дахр.

— Здравствуй,— ответил Ринальдо.

— Отец знает?

— Знает.

— И все-таки говорит?

— И все-таки говорит. Садись. Зачем ты так стоишь?

Дахр послушно сел.

— Тебе опять нездоровится? — обеспокоенно спросил он.

— Пустяки.

— Что теперь, Ринальдо?

Ринальдо вздохнул и медленно, с усилием поднялся. Дахр сделал движение помочь, но Ринальдо только пренебрежительно шевельнул ладонью и улыбнулся углом рта. Подошел к стене, нажал кнопки шифра и, подождав секунду, вынул из бара две чашки с соком, прозрачно-желтоватым, кислым и бодрым даже на вид.

— Последние дни мучает жажда,— признался Ринальдо. Ему будто что-то мешало улыбаться, какой-то невидимый шрам, или ожог, или странный паралич — улыбалась половина рта, а половина не двигалась, стиснутая загадочными тисками.

— Сколько там было? Двести?

— Сто тридцать пять мужчин,— не задумываясь, ответил Ринальдо,— и семьдесят две женщины.

Дахр медленно сглотнул. Как Чанаргван над шифрограммой. Сын. Ринальдо нес чашки — сосредоточенно, очень боясь расплескать, закусив губу от напряжения. Руки его крупно дрожали, и несколько капель все же пролилось. Одну чашку Ринальдо подал Дахру — тот поспешно принял ее,— а другую, вцепившись в нее обеими руками, поднес ко рту. Его щеки чуть вздувались, а морщинистое горло проседало при каждом глотке.

— Это произошло мгновенно,— выговорил он потом, отстранив чашку и чуть задыхаясь.— Пей.

— Не хочу,— ответил Дахр, глядя в пол.

— Тебе не холодно здесь? — заботливо спросил Ринальдо, ставя чашку на стол. Чашка резко стукнула.— Совсем южный прилетел, даже рубахи нет.

— Причины неизвестны?

Ринальдо пожал плечами:

— Взрыв нейтринных запалов при переходе в надпространство. Отчего — один бог знает.

— Это ведь впервые такое, Ринальдо?

— Да. Первая катастрофа за все годы, что мы знаем надпространство.

— Ужас,— сказал Дахр тихо.— Это просто ужас какой-то.

— Главное — головной корабль,— сказал Ринальдо задумчиво.— Весь запас техники ушел.

— И двести семь человек.

Ринальдо помолчал.

— Что вы будете делать?

Ринальдо опять пожал узкими плечами:

— Твой отец решит.

— Но он говорит, что все прекрасно.

— Он взял на себя большую ответственность.

— Ринальдо... а ты бы...

— Не знаю,— помедлив, ответил Ринальдо.— Кажется, я хотел его остановить, когда оператор позвал... но не знаю, действительно я не успел или... Знаешь...— Ринальдо пожевал губами.— Я тоже растерялся.

— Ужас...

— Что говорить.

Дверь распахнулась размашисто, вздулись и заплясали портьеры. Тяжелой мощной глыбой влетел Чанаргван. Он сбросил свою роскошную куртку прямо на кресло, смотав ее в какой-то невообразимый комок, и сам шумно упал на нее. Уставился на Ринальдо круглыми глазами. Упрекать его было бессмысленно. Успокаивать его надо было. Он уже все понял сам. Наверное, еще пока говорил, понял сам, что ошибся, подумав, будто солгать — это не решение, а способ выиграть время, чтобы решение это спокойно найти.

— Сам не знаю...— выдавил он и осекся, не ощутив вокруг сострадания. Ринальдо молчал. Молчал Дахр.— Никто не уцелел? — бессмысленно спросил Чанаргван.

— Никто,— ответил Ринальдо.

Потом они долго не решались заговорить. Чанаргван, громадный и сгорбленный, угрюмо глядел в пол.

— Ты успел поужинать, Дахр? — вдруг спросил Ринальдо.

— Д-да...— Дахр отвел глаза от отца, коснулся лба ладонью.— Спасибо. Мы перекусили с ребятами в орнитоптере.

— Чанаргван,— без паузы, тем же тихим голосом произнес Ринальдо, понимая, что говорит глупость, но все же надеясь.— Ты что-то дельное придумал? Или просто не решился сказать... всем?

Чанаргвана вдруг затрясло.

Надежда развеялась.

Ринальдо вздохнул и осторожно распрямил спину.

— Ты сильно сузил нам возможность маневра,— спокойно сказал он.— После твоей триумфальной речи гораздо труднее будет найти предлог, чтобы объяснить, почему завтрашний рейс откладывается на неопределенный срок.

— Я не...— едва шевельнув губами, выговорил Чанаргван. И замолчал.

— А может, немедленно взять общий эфир снова и сказать о катастрофе? — несмело предложил Дахр. Чанаргван горько усмехнулся.

— Боюсь, это единственное, чего мы категорически не имеем права делать,— проговорил Ринальдо.— Руководитель, у которого семь пятниц на неделе, теряет доверие мгновенно. Значит, полчаса назад нам соврали? — он старался не смотреть на снова сгорбившегося, почти скорчившегося Чанаргвана.— Значит, завтра могут еще раз соврать? Не-ет, это смерть...

— А ты бы решился? — глухо спросил Чанаргван.— Вот так вот... в праздник... Да кто пошел бы завтра на второй корабль после такого?!

— Почему ты думаешь, что второй корабль будет завтра? — с наконец-то прорвавшимся раздражением спросил Ринальдо.— Надо понять...

— Оставь,— устало сказал Чанаргван.— Это же аннигиляция.

— Так вы что, все так и скроете? — потрясенно прошептал Дахр.

— А что теперь делать? — почти жалобно сказал Ринальдо.

Тишина. За стенами ликовала — и наверняка вновь благодушно дискутировала о целесообразности колонизации Терры — счастливая и гордая Земля. Радиоволны ползли к планетам.

— Не знаю,— проговорил Ринальдо.— И в правде, и в неправде, если вду-

маться, есть свои плюсы и свои минусы. А какой была первая реакция — уже не могу сообразить.

Чанаргван вдруг расслабился, горестное напряжение покинуло его. Это ощутили и Ринальдо, и Дахр.

— Он тоже соврал бы,— сказал Чанаргван, повернувшись к сыну.— Ты понял? Вот и все. Ничего нельзя было сделать.

Ринальдо только головой покачал, и Чанаргван, уловив его движение, резко повернулся к нему.

— Теперь надо думать, что делать дальше.

— Заново сконцентрировать начальный запас техники и материалов мы сможем недели за две,— проговорил Ринальдо совсем тихо.— За это время как раз надлежит разобраться в причинах катастрофы. Старты мы отложим, сославшись на выявление каких-то незначительных неисправностей... причем не на кораблях, а в старт-зоне. Это, кстати, подготовит тех, кто полетит, к тому, что... их на Терре не встречают. О гибели или исчезновении сегодняшнего они как бы догадаются сами.

Тишина.

— А как ты объяснишь, что вновь идет техника с минимальным персоналом, а не сто тысяч народу, как планировалось на второй рейс? — отрывисто спросил Чанаргван.

— Надо подумать.

— Только идиоты не заподозрят, что с первым рейсом не все в порядке. А когда, прилетев на Терру, они застанут ее и впрямь вполне безлюдной, может, они и начнут работать, но уж экипаж звездолета наверняка вернется с вот умом недоверия. И если в наши-то дни начнется расследование...

— Погоди, Чан, не горячись,— с досадой сказал Ринальдо.— Не напирай. Ты не в рубке. Объяснить всегда можно все. Надо только хорошенько придумать, что именно следует объяснять.

— Все это чушь,— решительно сказал Чанаргван и адмиральским жестом разрезал воздух, как бы выметая своей большой ладонью слова Ринальдо с командного пункта флагмана.— Слюнтяйство. О том, что двухнедельной паузой мы убиваем почти полтора миллиона людей, которых успели бы вывезти за эти четырнадцать рейсов, ты помнишь?

— Мы считаем на миллиарды, Чан,— мягко сказал Ринальдо.— Не надо маскировать свое стремление спасти лицо под заботу о людях, такое плохо кончается.

— И этот человек имеет наглость всегда упрекать меня в черствости и прагматизме,— пробормотал Чанаргван. Подобного рода реплики он возмущенно выкрикивал; но сейчас сказал едва слышно и как-то виновато обернулся на сына. Взгляд Дахра его добил, и, поняв, что выглядит вконец раздавленным, Чанаргван выкрикнул, распаляя себя: — Я тебе не позволю! Ни одного дня не дам потерять!

Ринальдо покачал головой, и щеки его, обвисшие и мягкие, дрябло заколебались. Ринальдо знал, что Чан станет возражать. И он как будто даже хотел, чтобы Чан уговорил его отказаться от его плана. Он не верил, что так быстро удастся выяснить причину. Он не верил, что за две недели удастся, не привлекая внимания, собрать и загрузить технику. И чем больше он думал, тем меньше ему хотелось хотя бы даже намекать на возможность неисправностей — потому что это сразу сбило бы даже тот нешибкий энтузиазм, который удалось накачать вокруг идеи массовой колонизации Терры. Получалось, что Чан был прав, когда лгал о триумфе. Получалось, что Ринальдо напрасно — то ли из непонимания, то ли из зависти, то ли из старых счетов — взъелся на Чанаргвана, гениально, в считанные секунды и в одиночку нашедшего единственно верное решение в страшной ситуации. Это чувство сковывало Ринальдо, не давало настаивать. Он буквально ждал, что в ответ ему Чанаргван наконец выкрикнет: «Что бы я ни сделал, ты всегда усмотришь подлость!»; и хотя это была бы неправда, Ринальдо сам уже готов был подсказать эту реплику, которая разом разбила бы все его доводы.

— Что ты предлагаешь? — спросил Ринальдо.

— Ничего не менять. Старт завтра! Загрузим всю технику, что сможем собрать и переправить за сутки. Набьем до хруста. И так каждый день! В конце концов, что ты знаешь о грузоподъемности этих машин? Я ходил на них сто раз, а ты — ты ведь, кажется, вообще не покидал Земли? — подкусил он Ринальдо.

— Да,— спокойно ответил тот,— мне же запретили.

— Папа,— тихо сказал Дахр. И Чанаргван, и Ринальдо разом вздрогнули: сколько лет уже Дахр не обращался к отцу так.— Папа... Я был там. Терра прекрасная, щедрая планета земного типа, так мы и написали в заключении. Но не Земля. Пока. Под открытым небом, без синтезаторов...

— Мальчик,— в тон ему ответил Чанаргван, и Ринальдо вздрогнул снова.— Речь идет об их жизни. Что бы ты предпочел, если бы тебя спросили? Победовать пару недель там или заживо гореть здесь?

Дахр не ответил. Чанаргван несколько секунд пристально вглядывался в его стынущее лицо, а затем покивал то ли с пониманием, то ли с укоризной.

— То-то,— проговорил он.— Нет вопросов. И в конце концов, мы же их не в пещеры ссылаем. Что-то удастся втиснуть, я же сказал. Понемногу перебросим все и восстановим баланс. Месяца за два, за три. Но не терять ни дня. Я не хочу чувствовать себя убийцей.— Уверенность и пафос вернулись к нему, слишком быстро вернулись, и только это, только эмоциональное неприятие настораживало Ринальдо. Но слов не было. Он не знал, что возразить.

— А причины катастрофы? — спросил он.

Чанаргван яростно ударил ладонью по столу. И Ринальдо показалось, что Чанаргван ждал этого вопроса, что мышцы его руки были заранее напряжены — так скоро раздался громовый, веский треск после того, как отзвучал тихий голос.

— Не будь смешным! Это же аннигиляция, я тебе говорю. Данные о полной предстартовой проверке и о ходе старта у тебя в столе — все было в порядке. Иначе и быть не могло. А теперь даже с наперсток газа не осталось. Комиссия будет копошиться полгода, чтобы записать в протоколе: авария произошла вследствие некоторых нарушений технологического режима гиперсветовых силовых узлов. Это мы и без комиссии знаем, потому что следящие системы старт-зоны точно привязали момент взрыва к моменту включения запалов, а больше мы не узнаем ничего! Но я скажу тебе другое,— он угрожающе выбросил в сторону Ринальдо палец.— Машины — не люди. Они надежны. Если какой-то осел за пультом не справился с переходом в надпространство, не машину следует винить! Вспомни. Когда под тобой взорвался тренажер, не он был виноват, а ты! Твоя паршивая реакция!

Чанаргван умолк, но казалось, что широкий мрак кабинета еще звучал несколько секунд, пока трубный голос рассасывался в мякоти портьер. И тогда Ринальдо сказал:

— А если снова?

— Перестань! Ты не понимаешь. Все будет в порядке. Я знаю эти машины,— в голосе Чанаргвана прозвучала нежность,— я сам их испытывал когда-то, сам принимал первый образец... Они безотказны, Ринальдо. Дважды одна глупость не повторяется. Ну? Хватит воду в ступе толочь, время дорого. За сутки надо много успеть.

— Мне это как-то не нравится,— сказал Ринальдо.

— Ты согласен или нет? — закипая, спросил Чанаргван.

Ринальдо поднял голову со стиснутых кулаков. На лбу его долго таяло белое продавленное пятно.

— Нет,— спокойно ответил он наконец.— Что дальше?

— Так,— ровно и угрожающе проговорил Чанаргван.— Что конкретно ты предлагаешь?

Ринальдо пожал плечами.

— Надо подумать.

Чанаргван вскочил и, сжав губы, забегал от стены к стене. Дахр болезненно следил, как его отец, в развевающихся свободных брюках и затянутой застежками рубахе, громадный, похожий на льва, оттопырив брезгливую челюсть, мечется по кабинету.

— Успокойся, дружище,— попросил Ринальдо.

— Что мне, философствовать сейчас с тобой?

Ринальдо улыбнулся половиной лица:

— Удостой.

— Я не могу без тебя решать такое,— сказал Чанаргван после паузы.

— Понимаю,— кивнул Ринальдо.

— Ты просто издеваешься надо мной! Ты уже решился!

— Это ты уже решился. Не надо делать вид, будто мое мнение для тебя сейчас чего-то стоит.

— Вот как ты заговорил.— Чанаргван остановился прямо перед ним.— Что бы я ни сделал, ты всегда усмотришь подлость!

Ринальдо улыбнулся. Он ждал этих слов с начала спора.

— Но я все равно буду делать! Я делатель! А ты — говорун!

— Отдай приказ, делатель.

— Ах, приказ! Ринальдо, мне и без того надоело слышать: ты не в рубке, ты не в рубке... А я люблю быть в рубке!

— Председателем Комиссии по колонизации тебя назначил Совет,— будто извиняясь, напомнил Ринальдо.

— Знаю...

— Там считали, что во главе нужен крупный специалист по космонавтике, практик...

— Знаю!

— Будь моя воля...

— Да знаю я! Ты согласен?

— С чем?

— С моим планом! — Он осекся, увидев, что Ринальдо улыбнулся снова.— Так Улыбаешься. Знаешь, что из этого следует? — спросил он с угрозой.

— Что?

— Что по существу тебе сказать нечего.

— Чанаргван,— позвал Ринальдо безнадежно.— Меня победить — это не самое главное сегодня. Остынь. Надо подумать.

— Надо решать,— ответил Чанаргван и, резко повернувшись, пошел из кабинета. У двери оглянулся.— Надо спасать людей. Я в рубке, понял? Ответственность на мне. А ты,— он презрительно скривил сочные коричневые губы,— ты философствуй всласть.

Ушел.

Навалилась тишина и загустела среди портьер.

— Еще попить? — нерешительно спросил Дахр.

— Пожалуй.

Удивительно нелепыми и немощными казались их голоса.

Дахр принес сок. Сел напротив Ринальдо и приник к бокалу; его острый кадык запрыгал вверх-вниз, готовый, казалось, пропороть тонкую смуглую кожу. Потом Дахр встал и зачем-то надел куртку отца, затянулся на все ее бесчисленные застежки и сразу стал похож на некоего межзвездного корсара из подростковой телепередачи.

— Хорош,— одобрительно сказал Ринальдо.

— Я полечу с ними,— сказал Дахр.— Меня уважают. Мне верят молодые. Я сам объясню им на Терре, я умею, ты знаешь.

Ринальдо знал.

— Ты сошел с ума,— сказал он.— Ты...

— Я полечу именно сейчас,— настойчиво сказал Дахр.— Именно завтра.

— Дурачок! — крикнул Ринальдо, старчески надрывая голос.— Неужели ты думаешь, что никто, кроме тебя, не сумеет! Именно вот ты, кто мне так нужен...— Дахр глядел непреклонно.— Дурачок...— медленно прошептал Ринальдо.

— Им там будет очень трудно. А ведь это мы их послали. Ты, отец и... получается, что и я, раз я слышал и ничего другого не смог сказать. Но вы не можете быть с ними. А я могу.

— Ох, подожди, Дахр,— умоляюще сказал Ринальдо.— Подождите вы, все. Ведь случилось событие из ряда вон. А вы оба рветесь героически его забыть и как ни в чем не бывало начать с нуля. Но ведь произошло же! Надо подумать.

— Ринальдо. Ты же знаешь, сутки промедления — сто тысяч жизней. Да, нам будет очень трудно на Терре без техники, но мы справимся. Справимся, Ринальдо, не бойся.

— О господи... Ты хоть слышишь меня, Дахр?

— Я слышу, а ты? Ведь другого выхода нет. Ты согласен?

— Нет! — бессильно закричал Ринальдо.— Не согласен!! Что? Теперь не полетишь?

С едва слышным шелестом раздвинулась дверь, и голос секретаря сказал:

— Радиограмма на ваше имя, товарищ заместитель председателя комиссии.

— От кого? — тихо спросил Ринальдо.

— От председателя комиссии.

— Дайте.

Чжуэр подошел почти неслышно — только поскрипывали ремни его любимого, застегнутого наглухо комбинезона. Подал бланк Ринальдо, тот распечатал. Трепещущие буквы нехотя склеились в слова: «Зачем ты послал Дахра? Никогда не прощу». Ринальдо выронил бланк на стол, стоявший вплотную к прозрачной стене диспетчерской. Ему хотелось завыть и покатиться по полу. Но не было сил. Он только закрыл глаза. Чжуэр мимолетно скользнул взглядом по неприкрытым строкам.

— Он вам очень мешает,— мягко, с едва уловимым оттенком вопроса произнес он. Ринальдо молчал.

— Он вас просто замучил.

— Я сам себя замучил,— прошелестел Ринальдо.— Я все время чувствую себя виноватым.

— Виноватым за что? — неподдельно удивился Чжуэр.

— За все. За взрыв. За то, что Дахра не удержал. За то, что Чанаргвана не удержал... не поддержал... и не переубедил...

— Что вы говорите такое?

— А раз я считаю себя виноватым... все тоже считают виноватым меня.

— Он вас замучил,— жестко, почти хищно сказал Чжуэр.

— Он мой старый друг.

— Он мешает делу. А вы не настаиваете в Совете, чтобы его убрали.

— Вот видите, опять я виноват... Все, Чжуэр. Давайте не будем об этом больше.

— Он погубит дело,— сказал Чжуэр, послушно идя к двери. Ринальдо молча поднялся, и Чжуэр, не говоря более ни слова, вышел.

С верхнего этажа Ринальдо смотрел на кашу голов, медленно ползущую к катерам — нескончаемую, шумную... Впрочем, о шуме он мог лишь догадываться. В диспетчерской космопорта было тихо. Ринальдо стоял у стеклянной стены и все надеялся углядеть в двухстах метрах внизу чужого сына, но это было невозможно. И когда катера поплыли в синеве, Ринальдо понял, что плачет. Последний близкий человек покидал планету — несчастную, исстрадавшуюся планету, которой снова фатально не везло. Ринальдо оставался совершенно один. Он отвернулся от космодрома и стал смотреть сквозь противоположную стену на лес, в котором, наверное, так славно бродить одному, или с сыном... или с женой и сыном... «Когда я последний раз был в лесу?» — подумал Ринальдо и попытался вспомнить, но получилось так давно, что он опять повернулся к бескрайней серой плоскости взлетного поля. Толпа редела. Катера, словно воздушные шары, продолжали быстро всплывать. Ринальдо уставился на один и провожал его взглядом, пока тот не пропал с глаз. Тогда он вернулся к столу, сел и стал просто ждать.

ПАССАЖИРЫ

— Мой отец улетел вчера,— оживленно говорила Галка, оглядываясь по сторонам с любопытством.— Мы прилетим, а он уже меня ждет, представляешь? Думает, я одна. А нас двое!

Гжесь вымученно улыбался. Ему было ни до чего после прощания с родителями. Галка оторвалась от созерцания салона и коридоров лайнера, по которым они проходили, и взглянула на него.

— Ой, прости,— упавшим голосом прошептала она.

— Ничего, ничего, я слушаю.— Рука Гжеся была мягкой и безвольной, будто мертвой. Галка погладила большим пальцем тыльную сторону его ладони, и он ответил пожатием — но лишь благодарно, не жарко. Галка тихонько вздохнула.

Они вошли в ее каюту. Гжесь поставил в углу небольшой Галкин саквояж и замер в нерешительности, продолжая рассеянно держать ее руку в своей. Галка молчала, ждала.

— Ты...— произнес Гжесь. Она сразу напряглась, но больше он ничего не успел сказать.

— Внимание! — раздалось с потолка.— Просьба ко всем пассажирам приготовиться к переходу в надпространство. В центральных салонах ваших секторов найдите нейтрализационную камеру, индекс которой совпадает с индек-

сом вашей каюты и вашего жетона. Переход будет осуществлен ровно в шестнадцать часов.

— Идем? — спросил Гжесь. Она кивнула.

— Ой, мама! — Гжесь уставился на человека, шедшего по коридору мимо открытой двери каюты.— Смотри! Это же Дикки!

Они встретились, как два вихря.

— Ты как здесь?! — кричал Гжесь, приплясывая вокруг друга.

— Дикки! — визжала Галка и чмокала его в обе щеки.

— Да тише вы! — важно отвечал Дикки, не стараясь отбиться от поцелуев, что было в какой-то степени изменой принципам. Но в такой день можно слегка поступиться принципами.— Я на нелегальном положении,— загробным шепотом произнес он, и Гжесь с Галкой остолбенели.

— На чем? — Гжесь переспросил с ужасом и завистью, потому что такое он слышал доселе лишь в старом кино и в кино о старых временах, а чтобы можно было с полным правом применить к себе эти великолепные, наполненные героизмом и гордостью слова — такого ему не доводилось встречать.

— Пока вы миловались на бережку, я еще ночью подкопался под биоблокиратор и прошел под лучом, а потом мне зверски повезло: какая-то тетка в последний момент сдрейфила лететь, я ее приметил и под шумок выклянчил жетон.

— Ай да ты!

— Да уж я такой,— самодовольно ответил Дикки.

— И как это я в тебя до сих пор не влюбилась?

— А вы все чувствуете, что я сам по себе. Вы в тех влюбляетесь, кто с вами сю-сю, му-сю-сю, а мне некогда, я дело лечу делать!

— У, Бармалей какой!

— Дикки, я тебя опять вызову!

— Ах, Гжесь, он ведь прав, я его прощаю... Как же здорово все устроилось!

— Вместе!

— Опять вместе, ребята! Меня, меня благодарите, ручки мои лобызайте золотые...

— А чего, я готовая...

— Галка, не смей, возревную!

— А вы знаете, что нашим рейсом летит Дахр? Я его видел сам. В седьмом секторе, кажется, его каюта. Ей-богу, у нас будут какие-то особые задачи!

— Уважаемые пассажиры! До перехода остается десять минут. Просим вас занять места.

— Ребята,— сказал во мраке и тесноте голос Галки из переговорного устройства.— Слышите, ребята? Я волнуюсь ужасно...

— Ерундень,— раздался солидный голос Дикки.— Глупая ты женщина. Мы вместе, и мы летим на Терру. Не волноваться надо, а буйно ликовать!

Капитан звездолета нажал кнопку стартера, и двенадцатикилометровый корабль на несколько секунд запылал, словно маленькая звезда.

РИНАЛЬДО

Диск солнца коснулся иззубренной кромки леса. Ринальдо смотрел прямо на этот диск. Глаза слезились. Но он смотрел слепыми, ненавидящими глазами, хотя животворное мертвое солнце не было виновато ни в чем.

Раздвинулись двери диспетчерской, и голос Чжуэра сказал:

— Шифрограмма на ваше имя.

— Положите на стол,— ответил Ринальдо, не оборачиваясь. Ему было все равно. Дахр улетел, и теперь на этой планете некого стало спасать.

Раздались осторожные шаги и шелест.

— Срочная,— предупредил Чжуэр.

Долг пересилил. Не отрывая глаз от медленно опрокидывающегося за шипастый горизонт светила, Ринальдо спросил:

— Откуда?

— Из Координационного центра, от Астахова.

— Что там?

— Зашифровано вашим шифром.

Чжуэр выжидательно замер. Он знал, что Ринальдо будет читать сейчас. Он работал с Ринальдо не первый год.

— Дайте,— Ринальдо протянул ладонь. Чжуэр вложил в нее бланк.— Ага, спасибо.

Порывшись у себя в карманах, Ринальдо вынул дешифратор и наложил толстую прозрачную пластину на чистый, безупречно белый бланк. После секундной паузы как бы где-то в глубине пластины проступили слова, и от этих слов можно было умирать молча или с коротким предсмертным криком: «Координационный центр — комиссии. При включении нейтринных запалов звездолет аннигилировал».

МЭЛОР

— Ну, ладно,— сказал Костя,— уже ночи первый час. Пойду я. Но повторно прошу: не обижайся на шефа за вчерашнюю критику. Я поговорил с ребятами... большинство, в общем, считает, что он перехватил. Давайте будем любить друг друга и не будем нервничать друг друга,— он улыбнулся, поднимаясь с краешка дивана, на котором сидел.— Отчего бы тебе не возобновить прекрасную привычку убирать ложе по утрам?

— Хлопотно,— застенчиво улыбнулся Мэлор в ответ.— Вечером же все равно обратно стелить.

— М-да... А Бекки, что же, не следит за порядком?

— Ну, Бекки... ей тоже дел хватает. Вот мы тут сидим с тобой, приятно беседуем, а она сегодняшний материал обрабатывает.

Костя всплеснул руками.

— Эксплуататор! Завтра, что ли, не поспеете?

— Завтра еще не скоро,— пробормотал Мэлор. И в этот миг дверь растворилась, выплеснув из коридора в сиреневый сумрак каюты короткий вал света.

— Привет! — удивленно, но обрадованно сказала Бекки Косте.— Опять полуночничаете?

Концы толстых рулонов, пестрых от чисел и многоярусных формул, свешивались, покачиваясь, с ее рук. Мэлор с вожделением сглотнул.

— Привет, коли не шутишь. С чем пожаловала-то?

— Ни с чем, ребята. Результат прежний,— со вздохом ответила она. В ее голосе так и слышалось: вы уж не бейте меня за это.— Вот,— жалобно сказала она и, как фокусница, начала поспешными зигзагами расшвыривать на пол ленту, наспех всматриваясь в то, что пробегало у нее между пальцами. Расшвыряла метров семь, остановилась, протянула Мэлору. Тот замотал головой:

— Да верю я!

— Засим я, пожалуй, откланяюсь,— сказал Костя негромко.— Не горюй, Мэл.

Он нерешительно потоптался, разгладил примявшееся под ним покрывало и вдруг, нырнув лицом во всклокоченные рулоны, поцеловал руку Бекки. Она, заулыбавшись, попыталась ему помочь, как-то выпростать ладонь и уронила один рулон — тот мягким, но увесистым комом рухнул вниз и, чуть подпрыгнув на полу, замер.

— Наверно, забыл уж, какого цвета глаза у жены,— укоризненно сказал Костя.

— Карие, карие,— пробормотал Мэлор, с отсутствующим видом глядя на лежащий рулон. Бекки засмеялась и показала Косте язык. Костя хмыкнул.

— Вот, ей-богу, имеем связь, но не ловим,— вдруг внятно проговорил Мэлор.— Пространственные деформации имеют не ту структуру, что мы ожидали по большой теории. Смех и слезы — переселение началось вслепую. Куда спешат? Загорелось вдруг. Не понимаю я их... Завтра третий корабль пойдет, сто тыщ народу, уверены, что их встретят на готовеньком — а если там заминка какая-то?

— Ну, разумеется,— проворчал Костя.— Твоих прозрений не подождали. Ох, Мэл...

— Но ведь это дело дней! — воскликнул Мэлор.— Надо еще чуть подумать. Я же чувствую — вот-вот что-то сдвинется в мозгу...

— Если так пойдет — у тебя там и впрямь сдвинется.

— А, тебе бы только шутки шутить.

— Мэл,— осторожно спросила Бекки,— ты из-за этого и не просился?

— Ну, в общем,— сразу сникнув, буркнул Мэлор.

Пусть всегда так и знает, подумал он. Она же не терпит, чтобы из-за нее кто-то чем-то жертвовал. Но разве это жертва? Сдалась мне эта Терра без нее!

Но в душе он все время ощущал: сдалась.

Стало тихо.

— Ну, я пошел,— сказал опять Костя.— Доброй ночи.

Столб света прыгнул из коридора и, отсеченный дверью, погас.

— Кофе согреть? — спросила Бекки.

— Да нет, какой уж кофе. Спать пора.

— Давай,— сразу согласилась она и зарделась. Пошел второй месяц, как они жили вместе, и все равно краснела. Мэлор отпихнул ногой рулон и шагнул к Бекки. Рулон, шелестя, петляя и разматываясь, укатился под стол.

— Ей-богу, из-за этого, Бекки,— убеждающе сказал Мэлор.— Ведь моя же установка была на очереди, ты подумай... Я же чувствую, что прав... и ты чувствуешь, правда?

Она взяла его ладонь свободной рукой и, по-котеночьи щурясь, потерлась об нее горящим лицом.

РИНАЛЬДО

Долгие годы индустрия планеты ориентировалась на переселение. Разработаны были принципы гиперсветовой коммуникации. Построены и испытаны корабли, они продолжают создаваться — молниеносные города, способные перебрасывать на другой край Галактики до ста тысяч людей за рейс. Найдена землеподобная планета. И теперь, когда вот уже, вот уже спасение, когда казалось — успели все-таки и близок был блаженный миг расслабления, счастливого отдыха от трудов, вдвойне тяжких оттого, что о них и о их смысле непозволительно говорить вслух... Что это? Почему, за что?

Ведь гибель...

Ринальдо на ощупь сунул руку в карман и вытащил ампулу с лекарством, приложил к тыльной стороне ладони, нажал на донышко. Лекарство с легким зудом пронизало кожу.

Удушье отпустило почти сразу. Ринальдо осторожно впустил воздух в легкие. Смог увидеть, как Астахов тревожно смотрит на него, перегнувшись через стол.

— Позвать врача? — спросил он опасливо.

— Нет, нет,— Ринальдо попытался улыбнуться.— Пустяки. Уже все. Спасибо, Валя.

Врача... Хоть об пол черепом бейся.

Адмирал молчит и безнадежно глядит в стену. Ему худо. Ведь не кто иной, как он, кричал вчера: я знаю эти машины! Он забыл, что, когда вторгается непредсказуемое, конкретные знания пасуют. А неконкретное, вкусовое неприятие не доказывается... почему-то. И адмиралу теперь худо. Настало время этических абстракций — оно всегда возвещает о своем приходе катастрофой, перед которой пасуют конкретные знания,— и он, страдая, ждет, что скажет Ринальдо, который болтает, но выручает: в детстве, когда знойный мальчик не успевал с уроками, потому что надо было целоваться с девочками или драться с другими мальчиками; в Школе астронавигации, когда знаменитый курсант до одури бесился на тренажере, выковывая мужское тело предельными нагрузками, дрессируя себя до полного автоматизма реакций, уводя в инстинкт движение каждой мышцы и каждой мысли...

И Валя Астахов, друг настоящий, а не рабовладелец от дружбы, единомышленник на вторых ролях, тоже ждет с какой-то потусторонней надеждой; будто можно сейчас встать и сказать: «Нет, в радио вкралась ошибка, корабли целы, я точно знаю». И оба поверят, вот что страшно. Поверят сущей чепухе, ведь правда настолько нелепа и жестока, что нет у сознания возможности принять ее, вместить ее, приноровить ее к дальнейшей жизни. Вернее, приноровить к ней дальнейшую жизнь...

Ну, а мне-то от кого ждать спасительной лжи? Спасительной... Спасительная ложь уже была вчера, когда Чанаргван победно трубил в эфир. Хватит.

Ринальдо изо всех сил стиснул голову ладонями, но это не помогло. Правды не было. Выхода не было. Смысл правды — давать выход и спасение; а когда нет выхода, правда ничем не лучше лжи. Спасения не было, все катилось в тартарары, и никому он, так привыкший помогать, помочь не мог на сей раз, оттого что он не бог, он всего лишь координатор усилий человечества, а возможности человечества конечны. Исчезающе, пренебрежительно малы по сравнению с той задачей, которую навалила на него природа.

— Послушайте,— вдруг глухо произнес Чанаргван.— А это не диверсия?

Ринальдо увидел, как глаза Астахова, устремленные на него, наполнились серой жутью; и так тошно ему стало, когда он понял, что Валя сразу поверил в этот бред, как бы страшный, отверзающий пропасть, намекающий на неведомого и жестокого врага, но на деле — упрощающий мир до структуры детской страшилки. Тут в троллейбус вошли мертвец и два скелета, и мертвец отнял у мамы ее зонтик...

— Паранойя — плохой советчик,— сказал Ринальдо.

— Но это все объясняет по крайней мере,— неуверенно возразил Астахов.

— Предположение наличия бога, как известно, еще две тысячи лет назад объяснило все и навсегда,— устало парировал Ринальдо.— Неисповедимы пути — и шабаш. Я уж не говорю о том, как удачно объясняет факт восходов и закатов предположение о вращении известного Солнца вокруг известной Земли.

— Демагог,— с ненавистью процедил Чанаргван.

— Кто этим станет заниматься? — немощно выкрикнул Ринальдо.

— Те, кто голосовал против колонизации Терры,— быстро ответил Чанаргван.— У них даже были сторонники в низовых, неинформированных звеньях Совета, если помнишь. Нет, серьезно! — идея его увлекла.— На всякий случай я провел бы негласное расследование.

— Ты и впрямь не в своем уме.

— Ну хотя бы какой-то маньяк... новый Герострат,— пробормотал Астахов. Он почти молил.

— Штампы, штампы, штампы... Вы что, не охраняли корабли от случайных посещений?

— Охраняли...

— Не проверяли перед стартами?

— Проверяли.

— Но что тогда? — заорал Чанаргван свирепо.— Что?! Ты только возражаешь. Но сам-то понимаешь что-нибудь? Или это и впрямь господь бог?

— Все, чего мы не знаем,— это господь бог,— сказал Ринальдо.

Замолчали снова. Надолго. Ринальдо обеими руками взял чашку с соком и стал пить медленными, мелкими глотками; чашка тряслась и время от времени больно придавливала нижнюю губу к зубам. Сок был вкусный. Несколько капель все же выплеснулось на колени.

— Что говорят в Совете? — спросил Астахов.

Ринальдо поставил пустую чашку на стол и искоса глянул на Чанаргвана. Чанаргван молчал.

— В Совете не знают,— нехотя произнес Ринальдо.

— Почему не знают?!

Чанаргван не отвечал — темнел, будто скала в ночном тумане.

— Мы пока не информировали Совет,— процедил Ринальдо.— Для Совета, как и для всех, эвакуация проходит успешно, по плану. Мы,— он опять надавил на «мы», безропотно принимая вину на себя,— были уверены, что вчерашняя катастрофа никак не может повториться, и не хотели провоцировать задержку следующих рейсов пустым расследованием, которое стало бы неизбежным, просочись дело в Совет.

— А теперь? — спросил Астахов после паузы. Ринальдо покосился на Чанаргвана. И Астахов покосился. Чанаргван молчал.

— А теперь,— сказал Ринальдо,— откровенно говоря, Валя... я даже не знаю, как построить отчет. Как объяснить, что мы не отчитались вчера. И как объяснить, что мы как ни в чем не бывало угробили сто тысяч сегодня.— Чанаргван отчетливо встрепенулся в сумраке у портьеры, наконец-то решив сказать свое слово, но теперь уже Ринальдо не дал ему и поспешно продолжил фразу, усмехнувшись своей кривой усмешкой: — Разве что ссылкой на диверсию. Но если и есть где-то диверсанты, так это я и Чан.

— Диктатура...— недоверчиво протянул Астахов.

— Да! — вдруг взорвался Чанаргван у стены.— Хоть хунтой назови! Мне нет дела до ярлыков! Мы должны дело делать, поняли? Не болтать, а думать, думать, думать!! — он замолотил себя кулачищами по голове.

— Покажи нам пример,— попросил Ринальдо тихо.

— Я уже все решил,— жестко сказал Чанаргван.— Мы столкнулись с невероятным стечением обстоятельств, или с диверсией, или со стихийным бедствием — не знаю. У меня нет времени выяснять это! Но я усилю охрану и буду гнать,— он выбросил в сторону Ринальдо палец, и воздух кабинета кроваво проколола вспышка рубина на перстне,— буду гнать в это бедствие корабль за кораблем, пока хоть десять, хоть пять не прорвутся к Терре! Другого выхода нет! Хоть сколько-то спасем!

— Да вы с ума посходили...— потрясенно выдохнул Астахов.— Там же люди...

— Я сына не пожалел!

Напрасно он это сказал. Ринальдо вновь почувствовал, как воздух пропал и остался твердый вакуум. Ринальдо несколько раз заглотнул ртом — наверное, с хрипом и мокрым взвизгом в горле, но сам он, конечно, не слышал ничего. Потом отпустило, и он сразу снова вспомнил, что Земля стала ему совсем чужой. Потому что Дахр не улетел, а погиб.

— Если ты не угомонишься,— с трудом выговорил Ринальдо,— я вызову для тебя врача, а сам выступлю перед планетой. И будь что будет.

Чанаргван испытующе всмотрелся в его лицо и сказал тихо:

— Не выступишь.

— Сейчас почти час ночи,— сказал Ринальдо.— Немедленно поднять капитана сегодняшнего лайнера, пусть вылетит на корабль. Туда. Пусть сейчас же, покуда никого нет, прокатает двигатели и запалы на всех режимах. Максимально осторожно. Несколько раз пусть совершит переход.

— И что потом? — спросил Чанаргван тихо.

— Про потом будем говорить потом,— отрезал Ринальдо, и такая сталь вдруг загремела в его голосе, что Чанаргван смолчал. Астахов опрометью бросился из кабинета.

Все-таки опять я, подумал Ринальдо. Ни Чан, ни Валя, ни кто-нибудь другой.

Оставалось ждать. Три часа, чтобы капитан добрался до лайнера и еще — пока дойдет сигнал. О взрыве.

Ринальдо не сомневался, что сигнал будет — о взрыве. И поступит он не из рубки лайнера, а с диспетчерской старт-зоны. Ринальдо оглядел чашки, но во всех было пусто, только на донышках желтели крупные янтарные капли.

— Что, налить тебе? — спросил Чанаргван.

— Налей,— согласился Ринальдо.

Он не думал больше ни о чем. Он ждал, и секунды текли. Он ждал, хотя знал, что взрыв — будет.

Будет. Но пока нет рапорта о нем — можно постараться вообразить, что все миновало, паутина разорвалась, разомкнулись клещи обстоятельств...

— Ты знал, что так случится? — тихо спросил Чанаргван, ставя перед ним две чашки с соком.— Я все время вспоминаю вчерашний спор — ты ведь уже чувствовал...

Нет, этого Ринальдо не чувствовал. Еще вчера трагедия была из ряда вон выходящим ударом, а счастливый исход — закономерной, сделанной победой. Она была подготовлена всем течением дел, годами напряжения. Награда по заслугам полагалась человечеству — хотя бы той части, что ее получит. Первый взрыв был случайностью, болезненной, тормозящей, но не способной остановить. И вот в один вечер земля, скользнув, ушла из-под ног, и все тошнотворно перевернулось: случайность стала закономерностью, а закономерность — случайностью. В один день и одну бедственную ночь. Как Атлантида у Платона.

— Я не чувствовал, Чан,— признался Ринальдо.— Просто я хотел спокойно подумать.

— Спокойно...— скривился Чанаргван. Помолчал.— Этот взорвется, как ты думаешь?

— Конечно.

— И что потом?

Откуда я знаю, подумал Ринальдо. Все равно как пытаться, заплыв к форштевню, остановить ладонями океанский корабль. А собственно, чем мы зани-

маемся здесь? Комиссия по останавливанию океанского корабля ладонями... Бедственного корабля.

— Надо будет отчитываться перед Землей,— сказал он.— Все как было.

— Тогда Комиссию возглавят другие люди.

— Пусть.

— И о Солнце будешь жаловаться? Но пока тебя на это никто не уполномочивал. Решение о закрытии этой информации принимал не ты.

Ринальдо помолчал, прихлебывая сок.

— Будем избегать до последнего,— сказал он.— Впрочем, как решит Совет.

— Значит, и отчитываться будем только перед Советом.

— Для начала хотя бы перед Советом.

— Не терпится скинуть ответственность, Ринальдо?

— Не терпится перестать быть преступником.

— Трусишь?

— Стыжусь.

— Ты не привык бороться.

— Я привык заботиться.

— Все-таки ты не мужчина,— пробормотал Чанаргван.

Ринальдо покусал губу, припоминая.

— Начальник ведомства барабанов,— медленно заговорил он,— как-то сказал циньскому князю: «Вы, князь, прямы и непреклонны, как летящая к цели стрела». Князь был доволен. Ученый Гунсунь Юэ, узнав об этом, сказал: «Сравнение оскорбительно. Когда князь прям, как летящая стрела, то у него нет глаз, чтобы видеть, что вокруг и что впереди. Когда князь непреклонен, как летящая стрела, то у него нет рук, чтобы натянуть тетиву еще раз, если первую стрелу отнесло в сторону неожиданным порывом ветра. Это значит, что князь, подобный летящей стреле, непременно погубит государство».

— Толковать эти парадоксы можно до бесконечности,— с досадой сказал Чанаргван.— Что проку? Слова.

— Эти слова,— невозмутимо продолжал Ринальдо,— передали циньскому князю, и Гунсунь Юэ был обезглавлен.

Чанаргван помолчал.

— Ты хочешь сказать, что я...— выговорил он и запнулся. Ринальдо подождал, затем пожал плечами. Чанаргван вынул из полуоткрытого ящика стола книгу, открыл, показал Ринальдо.— Ты хочешь сказать, что это обо мне?

Ринальдо опустил взгляд и сразу увидел грубо и нервно отчеркнутое: «По мне, все средства хороши отныне. Я так уже увяз в кровавой тине, что легче будет мне вперед шагать, чем по трясине возвращаться вспять». Он сам это нашел, с жалостью и болью понял Ринальдо. Меня волокли сюда под белы руки, а он читал «Макбета». Или это «Ричард III»? Не помню. Ему до зуда в пальцах захотелось взять книгу и уточнить, но было неловко.

— Это ты сказал,— тихо произнес Ринальдо.

Чанаргван отодвинулся, сгорбился.

— Ну, вот,— с угрюмой иронией проговорил он.— Уже и от Матфея в ход пошло. Прогулка по эпохам и культурам. Тридцать веков человечество уродуется на этих проблемах, а итог — словесные игры. Делать-то что?

— Ждать,— ответил Ринальдо.

Они ждали. Час, другой, третий. Ответ задерживался. Они молчали, задыхаясь в сумеречной духоте. И когда за окном начало светлеть, им принесли ответ. Он поступил из рубки. Он гласил: «Все системы работают нормально. Проведено восемнадцать переходов на трех режимах. Готов к старту. Капитан Намье».

И наверное, с четверть часа они вчитывались и не могли поверить. А потом Ринальдо уткнулся в стол лицом и заплакал. А Чанаргван подошел к окну и размашистым рывком отдернул штору; алый свет восхода наполнил кабинет.

МЭЛОР

Мэлор просыпался теперь со странным, полузабытым ощущением детского счастья, словно в давние дни рождения, когда утро уже само по себе сулило подарок у изголовья и ожидание будущей радости вызревало еще во сне. Бекки спала к нему лицом. Если только она не отворачивалась, играя, она

всегда была к нему лицом; даже когда он целовал ей спину, даже когда ластился сзади, она ухитрялась тянуться к нему и взглядом, и губами. Чуть звучало ее дыхание, и Мэлор замирал. Он по утрам не смел даже взглянуть, закрывал глаза — вдруг разбудится; вслепую, в своей темноте, ощущая прильнувшую к нему сказку — хрупкую, мерцающую сказку щеки и колена.

И вновь задремал, потому что работал до пяти утра, а потом вновь проснулся, услышав осторожный шепот:

— Мэл... а Мэл...

Открыл глаза, и она, увидев, что он вернулся к миру, громко велела:

— А ну, поднимайся! Спать ночью надо, как все!

Сама она была уже вполне дневная. Мэлор сладко потянулся и сказал барственно:

— Подайте, голубушка, завтрак мне в постель.

— Что? — возмутилась Бекки. Она всегда очень смешно возмущалась: округляя глаза и округляя рот на букве «о».— Давай поднимайся шустро! Из-за чего теперь-то не спал?

— Да все из-за того же. Новый детектор сочинить хочу. Понимаешь, совсем в ином спектре, где-то даже к нейтрино ближе...— он потрусил в ванную, открыл кран и начал с удовольствием швырять горсти воды себе в лицо.

— Что за дичь...— Бекки, прищурившись, заглянула к нему да так и прислонилась к косяку, глядя Мэлору в согнутую спину. Мэлор фыркал тюленем и пускал фонтаны брызг, которые веерами рассыпались по объему. Мэлор всегда очень живописно умывался, и Бекки всегда любила смотреть — только вот пол в ванной делался мокрым. Наконец удовлетворившись, Мэлор качнулся к полотенцу, запихал в него лицо и стал ожесточенно вытираться.

— Не то ловим, понимаешь? — пробубнил он из полотенца.

— Понимаю. Все понимаю. Синий стал, под глазами мешки.

— Я мешочник.— Мэлор вылез из полотенца влажный, всклокоченный, действительно с мешками, но отнюдь не синий, а умильно розовый.— В мешках-то главный ум и спрятан... Знаешь, кто такие есть мешочники?

— Слышала... какой-то был старый фильм.

— Генераторы уже врубили?

— Как всегда. С девяти до девяти.

— Зря энергию жгут. Теперь я точно знаю! После завтрака сразу звоню Косте...

Костя пришел сам, когда Мэлор торопливо допивал кофе, а Бекки, которая, никогда не торопясь, всегда все успевала вдвое быстрее, уютно сидела рядом в кресле, поджав под себя колени и уложив подбородок на кулачок.

— Однако спать вы горазды,— укорил Костя.

— А-а! М-м! — ответил Мэлор и едва не подавился.

— Не торопись, жуй радостно! — замахал руками Костя.— Я слышал, ты нынче в ночь мировую науку перевернул?

Бекки при этих его словах покраснела и отвернулась.

— Женщина продала? — спросил Мэлор, поспешно доглатывая. Костя кивнул.— И-эх! — сказал Мэлор горестно и придвинул к себе здоровенную кипу исписанных листков.— Весь эффект поломала... Ну, получай тогда. Вот. Как я догадался, что декваркованные полосы спадаются именно так,— я и сам не помню, но потом железно вышло, что ряд уходит в нейтринную область. Да что я тебе буду — ты сам смотри,— он стал махать бумагой у Кости перед глазами, но тот поймал его руку, зафиксировал и стал читать по порядку, что-то присвистывая едва слышно. Брови его поползли вверх. Мэлор ерзал, порывался что-то объяснить, показать, ткнуть пальцем, но Бекки незаметно его придерживала, и он лишь дышал широко раскрытым ртом да заглядывал посмотреть, до чего уже дочитал Костя.

Костя дочитал до конца и некоторое время молчал. Зачем-то похлопал себя по карманам куртки, бессмысленно озирая при этом стены.

— Тебе бы раньше жениться...— пробормотал он потом.— А то сколько времени ходил вокруг да около...

— Так? — изнывал Мэлор.— Ну ведь так, скажи?

— Чем ты его кормила последнее время? — спросил Костя, повернувшись к Бекки всем корпусом.

— Собой! — заорал Мэлор, и Бекки мгновенно покраснела снова.— Ее порывы благотворны! — Мэлор сиял.— Что, уел я тебя?

— Мало что уел...— все еще несколько ошалело пробормотал Костя и опять

зачем-то похлопал себя по карманам.— И как изящненько, простенько-то как... Черт, впервые за шесть лет опять курить захотел.

— И посему предлагается такая вот схема детектора! — затрубил Мэлор. Схватил чистый лист бумаги и карандаш, стал ожесточенно черкать вдоль и поперек.— Здесь мы отсеем фон... рекваркуем... разделим право- и левоспиральные...

— Знаешь, что у тебя получилось? — засмеялся Костя, вглядываясь в чертеж.— Нейтринный запал для гиперсветового двигателя, только навыворот.

Мэлор перестал чертить; рука его увяла.

— Врешь,— потерянно сказал он.

— Кто врет, тот помрет,— ответил Костя. Возбуждение Мэлора передалось ему.— Да что ты испугался-то? Тебе по потолку бегать положено! Даже приборы новые измышлять не надо, просто затребуем запал, перемонтируем чуток, и будет тебе приемник, это дело недели!

— Так, значит...— голос Мэлора пресекся.— Ты все-таки считаешь, я правильно это придумал?

Костя поднялся.

— Побегу на радио. Нет, к Карелу сначала... Надо послать запрос. Прямо Астахову.

— Костя,— позвала Бекки.— И знаешь... Ведь Мэлоровы генераторы мы уж неделю гоняем на этих самых режимах. Надо запросить заодно, не было ли замечено каких-то странностей во время стартов.

— Во! — закричал восторженный Мэлор.— Вот кто у нас голова! Вот идея! Конечно, они же должны буквально захлебываться нейтринными обломками! Там же надо сначала виртуал рекварковать по л-п осям...

— Да вы спятили,— пробормотал Костя, ошеломленно пятясь под натиском кричащего, пылающего, размахивающего руками Мэлора.— Больше десяти миллионов километров... Мы же всего-ничего даем на входе...

— Что ты понимаешь! — звенел Мэлор, захлебываясь.— Ведь на то связь и рассчитана, чтобы малой энергией дотреливать до других галактик!

— Да ты что? Всерьез уверен, что уже имеешь связь?

— Конечно! И это называется, человек читал мой бессмертный труд! Бекки, ласонька, ты приберись тут, а я к Карелу побегу...

Счастливая Бекки поднялась на цыпочки и звонко поцеловала Мэлора в щеку.

РИНАЛЬДО

Ринальдо остановился, не решаясь встать на ступеньку. Когда-то ступени скрипели, и Ринальдо любил их скрип: так приходила Айрис. Ветви кленов удлинились и окрепли, резные листья стояли в тихом воздухе. Ринальдо сорвал один и размял в пальцах; на позеленевшей коже остались пахучие волокнистые комочки. Вот Земля, подумал Ринальдо и, осторожно отведя ветку в сторону, шагнул и сел на ступеньку. Ступенька промолчала. Конечно, подумал Ринальдо. А вон там, на полянке, я ставил орнитоптер. Теперь нельзя, теперь там цветы. Красивые. Не знаю, как называются. Опять хотелось плакать. Когда-то, когда-то я сидел на этой ступеньке, слушал, как гудят в этом шиповнике пчелы, и думал, что у меня есть будущее. Что мое будущее — не арифметическое распухание настоящего, но — прорыв в принципиально иные просторы... Принципиально иные просторы себя.

Потом он увидел скользившую сквозь кустарник девушку в импровизированной набедренной повязке из цветастого полотенца. Она действительно скользила — ни одна ветка не вздрагивала, ни один листок. Ринальдо узнал ее сразу, хотя прежде видел не иначе как на стереофото, и неловко встал, хватаясь за резные деревянные опоры по сторонам лесенки.

Девушка увидела его и смущенно съежилась.

— Здравствуй, Чари,— произнес он.

— Здравствуйте, а я вас не знаю,— ответила она.— Вы к маме?

— Разумеется,— ответил Ринальдо и улыбнулся своей половинчатой улыбкой.— И не стесняйся ты...

Девушка, презрительно фыркнув, мгновенно перелилась в гусарски свободную позу — отставила одну ногу, уперла кулак в слабенькое, мальчишеское еще бедро.

— Вот еще! — сказала она.— Я только никак не ожидала, что тут кто-то есть. А что вы в дом не идете? Мама там, я знаю.

— Сидел и смотрел. Я только что пришел, а здесь у вас замечательно. Тебе нравится?

Она кивнула, и волосы влажным клоком упали ей на лоб — черные, смолянистые, жесткие. Чанаргвановы. Она сердито отшвырнула их к затылку. На левом ухе ее массивно раскачивалась длинная золотая капля — клипс кристаллофона.

— Да... Только вот Дахр улетел, без него скучно. Я ему так завидую. Мне еще года два ждать, а он через отца выклянчил, улетел вне очереди... Я вот так никогда не умею,— она безнадежно шевельнула рукой.— А вы кто?

Ринальдо прикинул, кто же он.

— Да так, знаешь... старый знакомый. А что это за цветы?

— Где? — она обернулась.— А... Орхидеи... специальные, для этих широт. Мама сама выводила, вы разве не слышали? Об этом писали.

Ринальдо виновато развел руками.

— Не довелось как-то. Знаешь, за всем не уследишь. Ты не замерзла?

— Вот еще! — опять возмутилась она.— Я зимой купаюсь! С Дахром вместе. Это брат мой,— спохватилась она.— Везунчик. Вы с нами поужинаете?

— Если не стесню.

— Стесню...— яркие губы ее недоуменно надулись.— Этакий домина на двоих. Гость каждый на вес даже не золота, а я уж и не знаю чего. Горючего для гиперсветовых кораблей, вот чего. Маме-то никто не нужен, а я... она хочет, чтобы я все время при ней сидела, вот буквально все время. Вы уж заходите, пожалуйста,— она просительно взглянула на Ринальдо сквозь длинную блестящую челку, опять свалившуюся на глаза. Глаза огромные, пламенные, черные — отцовские...

— Почту за счастье,— сказал Ринальдо.

Чари мягко и точно, как рысь, вспрыгнула к двери, минуя ступени. Ее плечо пронеслось мимо лица Ринальдо — круглое и светлое, блестящее не успевшими высохнуть каплями близкого озера. Ринальдо улыбнулся половиной лица и на миг прикрыл глаза. Плечо от матери.

— Надо же...— пробормотала Чари удовлетворенно.— Вот так идешь, идешь — и вдруг человека встретишь... Ма-ам! — звонко крикнула она и ударом ноги распахнула дощатую дверь. Изнутри густо и сладко пахнуло дачей.— Ма-ам! Тут к тебе ужинать пришли!

Ринальдо осторожно двинулся вслед за девушкой. Она раскачивала бедрами, стараясь казаться взрослее, и полотенце ее, как хвост, моталось вправо-влево. Ринальдо поймал себя на совершенно инфантильном желании дернуть за этот хвост.

— Не споткнитесь, тут доска из пола оттопырилась,— предупредила Чари, и Ринальдо споткнулся. Чари поддержала его ловко и небрежно.— Ну я же предупредила! — укоризненно сказала она.

— До старика долго доходит,— невнятно от смущения попытался оправдаться Ринальдо. Чари воззрилась на него — в сумраке коридора казалось, что глаза у нее светятся собственным светом.

— А вы что, разве старик? — удивленно сказала она.

Рука ее была прохладной, тонкой, но крепкой. Отцовская рука.

Чари открыла еще какую-то дверь — на этот раз на себя, изящно и нарочито манерно потянув за ручку мизинцем и безымянным,— и стало светло.

— Я уж проголодалась, пока ты...— сказала Айрис, поднимая голову к открывшейся двери. И подняла. И перестала говорить, и провела ладонью по задрожавшим губам.

— Здравствуй,— сказал Ринальдо и, подойдя, поспешно подал ей руку — он очень боялся, что она захочет чмокнуть его в щеку. Прежде Айрис со всеми здоровалась и прощалась так. Впрочем, Ринальдо сразу понял, что опасался зря. Айрис секунду помедлила, потом ответила на рукопожатие и произнесла:

— Здравствуй, Ринальдо...— глотнула. Как Чанаргван. Надо же, подумал Ринальдо, как Чанаргван над шифрограммой. Сроднились.— Ты давно здесь не был. Садись.

— Давно. Все, знаешь, недосуг...

— Вас можно поздравить? — спросила она.— Чари, детка, закажи нам что-нибудь на свой вкус.

Она сильно изменилась, подумал Ринальдо, садясь. Раньше она ни за что не показала бы волнения.

Да раньше она и волноваться бы не стала.

— С чем поздравить? — спросил Ринальдо, жадно рассматривая ее лицо. Она настолько изменилась, что смутилась, отвела взгляд и поправила воротник, а затем подняла его, чтобы не видны были молочно-белые, слегка украшенные веснушками плечи. Чари стояла у двери и смотрела не дыша.

— Ну, как же,— сказала Айрис.— Дело запущено наконец. Третий корабль пошел.

— А,— сказал Ринальдо,— ты об этом...— На стене висело стереофото Чанаргвана времен школы: ослепительная улыбка, блестящий летный комбинезон в обтяжку, в руках — необъятная охапка полевых цветов, он держал ее, как держат младенца; позади — небо с веселыми облачками.— Да, мы не зря потрудились,— подтвердил он, издеваясь.— Жизнь прожита не напрасно. Теперь можем позволить себе ежедневные старты, а в будущем — до трех, а то и четырех в сутки. Колонизация началась замечательно.

— Я поздравляю искренне,— сказала Айрис.— Чан тебе здорово мешает?

— Нет, что ты. Мы отлично сработались.

— Чари, я просила ужин.

— А... а что вы любите? — нерешительно спросила Чари из-за спины Ринальдо. Ринальдо повернулся к ней.

— Я всеядный.

— А больше-больше всего?

— Да как сказать...— Ринальдо покосился на Айрис. На Чари прямо-таки написано было: хоть режьте, а я принесу самое ваше любимое. Но не в коня корм. Ринальдо давно забыл, что именно он любит. Любить было некогда, он или думал, не замечая поспешно заглатываемой пищи, или что-то кому-то доказывал и во время обедов, и во время ужинов, и во время завтраков тоже. И всегда похваливал: ого, как вкусно сегодня готовят.

— В такую жару наш гость даже вечером запросил бы окрошку. Ну, еще ломоть буженины и бокал грейпфрутового сока. Вот такая мешанина. У него странные вкусы, детка.

— Ты так считаешь? — искренне удивился Ринальдо.— Я думал, у меня вовсе нет вкусов.

— Тебе только кажется. На самом деле ты очень привередлив,— ее губы уже перестали дрожать.

Вот эти губы...

— Я поняла,— сказала Чари робко.

Айрис принялась изучать платье у себя на коленях. Потом принялась тщательно разглаживать его ладонью. Чари тихо вышла.

— Ты зачем приехал? — спросила Айрис, не поднимая глаз.

— Просто так,— ответил Ринальдо, асимметрично улыбнувшись.— Давно хотел — а теперь появилось свободное время.

Это была неправда. Он приехал не просто так. Третий корабль погиб сегодня, несмотря на ночную проверку, взорвался на старте в четыре часа дня, как и первые два, и на нем были убиты еще сто тысяч тщательно отобранных замечательных людей. Будто и впрямь куражился и хохотал над бессилием слегка разумных муравьев божок-садист. Ринальдо приехал оттого, что опустились руки. Приехал вспомнить. Воскресить. Вновь полюбить и вновь возненавидеть. Он давно уже не любил и не ненавидел — только спасал; и теперь спасать не любя не хватало сил.

— Детей нет? — спросила она. Ринальдо не ответил.— Почему ты украл у меня Дахра?

— Я ничего никогда не крал, Айрис. Даже безделушек. Тем более того, что мне дорого.

— Что?

— Я говорю, украсть что любишь и в чем нуждаешься куда труднее, чем то, что безразлично... ты так не считаешь? Это как бы капитуляция. Как бы сам признаешь, что не достоин того, что любишь. И никогда уже не будешь достоин, никогда уже не сможешь добиться естественным путем.

— Что за вздор, Ринальдо! Я просто не могу понять твоих вечных максим! Сколько же можно всех воспитывать?

Он хотел ответить, но не успел.

— Как ты мстишь. Неужели можно столько лет любить и желать зла?

— Не знаю,— сказал он.— Про зло — разумеется, чушь, а вот любить...— он пожал плечами.— Просто без тебя мне как-то бессмысленно. Как-то скудно, понимаешь?

— Скудно...— задумчиво повторила она.— Понимаю...

Она не понимает, подумал Ринальдо. Она знает лишь свое «скудно»: Чан в Совете, Чан в Коорцентре, Чан на испытаниях, Чан в рейсе, Чан с друзьями, Чан с подругами... Потом налетит вдруг — топот, смех, крик, грай, нечеловеческий клекот; а поутру — на молочно-белой коже смуглые пятна его поцелуев и тающая в сиянии неба точка его орнитоптера. Разве это скудно? Это просто смешно.

— Почему ты позволила ему вновь... прилетать?

— Откуда знаешь? — вскинулась она и сразу поникла.— Он?! — она не произнесла, а почти всхлипнула, настолько унизительной была догадка. Ринальдо не ответил, даже не кивнул, но его глаза никогда не умели врать; конечно, он, ответили они за Ринальдо.

Третий курс оказался критическим для Чанаргвана. Ринальдо ишачил на него, как мог, но Чан был уже совершенно не в состоянии заниматься чем-либо, кроме тренажера, он находился на грани исключения. Ринальдо делал за него вычисления, а Чан сидел рядом и клял судьбу. И тогда хитроумный Ринальдо отказался что-либо делать и стал говорить: «Бездарь!» Он говорил: «Ты никогда не оторвешься от Земли, разве что пассажиром!» Он говорил: «Тебе пасти коров!» Чанаргван возненавидел его, и Айрис возненавидела тоже: «Как ты можешь сейчас! Твоему другу плохо! Надо помочь, а уж потом указывать на какие-то недостатки...» Только на ненависти к Ринальдо Чанаргван выпрямился; только чтобы доказать Ринальдо, и себе, и всем, что он — не бездарь и что Ринальдо — не настоящий друг. Тогда они еще мыслили подобными формулировками. Полгода спустя Ринальдо, уже собиравшийся все рассказать Чанаргвану, попал в аварию на тренажере. Авария была редчайшей и крупной, почти невероятной, отчасти Ринальдо был виноват в ней сам. Он так и остался полукалекой на всю жизнь, но пока он валялся по госпиталям и реабилитационным центрам, слава подлеца, бросившего талантливого, но разбрасывающегося друга в тяжкий момент, приклеилась к нему навечно; скоро уж все и забыли, почему Ринальдо подлец, просто известно было, что на него нельзя положиться.

— И с чего это к тебе липнут наши дети? — вдруг сказала Айрис с неприязнью.— Дахр... теперь — Чари... глазищи во, рот варежкой...

— Они мне доверяют.

— Вздор! Не знаю, как там Дахр, но о каком доверии может идти речь между мужчиной и женщиной?

Бедная, подумал Ринальдо. Сгорела.

— А о чем может идти речь?

— О терпении,— отрезала Айрис.— Только о терпении. Ничего не знать и делать вид, что все — как всегда.

Ринальдо только головой покачал.

— Идите есть! — крикнула Чари, растворив дверь. В комнату повеяло свежим и вкусным. Ринальдо оглянулся. Чари успела переодеться. На ней была теперь вызывающе изящная, короткая полупрозрачная хламида и невесомый совершенно прозрачный синий шарф до щиколоток.

— Ты оделась бы поприличнее, детка,— брезгливо приказала Айрис.

— Вот еще! — с вызовом ответила Чари и уставилась на Ринальдо.— Теперь все так носят,— добавила она отчаянно,— когда хотят понравиться.

— Ринальдо,— сказала Айрис устало,— уходи.

— Мама...

— Помолчи. Ринальдо, я тебя прошу. Ты здесь не нужен. Ты же всегда это понимал и сейчас понимаешь.

— Нет,— ответил он с непривычным и оттого еще более сладким ощущением причинения ответной боли. Запретным и великолепным.— Не понимаю.

Лицо Айрис покрылось красными пятнами.

— Выметайся.

— Мама! — вспыхнула Чари.— Как тебе не стыдно!

— Молчи, ты не понимаешь.

Ринальдо медленно поднялся. Чари подскочила к нему и с силой ухватила за локоть.

— Не вздумайте уйти,— быстро произнесла она.— Это бывает с ней. Это

оттого, что Дахра нет и отец снова перестал прилетать. Я уже поставила на стол замечательную окрошку, вы в жизни такой не пробовали...

— Чари-и...— с мукой выдавила Айрис.— Ты не понимаешь!

— И не желаю,— энергично возразила Чари.— Не желаю понимать, как можно так обижать человека. Когда поймешь такую гадость — надо перестать жить.

— Чари,— укоризненно произнес Ринальдо, осторожно освобождаясь от ее крепких пальцев. Чари озадаченно смотрела на него. Айрис бессильно уронила голову на сомкнутые ладони; длинные белые волосы упали почти до колен, слабо раскачиваясь единой слитной массой.

— Этот чижик — мой первый муж,— глухо произнесла она из-под волос.

Глаза Чари стали на пол-лица.

— И... правда? И я — вот его дочь?

— Нет! — выкрикнула Айрис, вскочив и сделав непонятный жест руками.— Никогда!

— А что же ты... Все равно не понимаю. Его дочь, скажи!

— Нет, Чари, нет,— мягко сказал Ринальдо.— Мы с твоей мамой были очень недолго. Подо мной взорвался тренажер, и я стал смешной. А твоя мама — трагическая натура, она не любит смешного.

Тогда компания студентов разлеталась с пляжа; Ринальдо не было, он, как всегда, не сумел выкроить время, был занят, и Айрис загорала сама по себе, одна, и им с Чаном, которого она давно знала как близкого друга мужа, было по дороге. Он вел орнитоптер в двух метрах над морем, вдоль скалистого берега, лавируя на предельной скорости с немыслимым мастерством, в полумраке, грозившем стать тьмою. Айрис вскрикивала ежеминутно, и Чанаргван оборачивался к ней, сверкая безукоризненной улыбкой. «Мы убьемся... столкнемся...» — пробормотала она, судорожно цепляясь за его локоть. «Не убьемся»,— просто ответил он, и она поняла, что это правда. «Мы убьем кого-нибудь...» — беспомощно прошептала она, в глубине души ожидая, что он ответит: «Не убьем», и это тоже будет правда, но он снова осветил ее абсолютно правильным полумесяцем улыбки и ответил: «Пусть не зевают». И все в мире внезапно стало на свои места — так правильно, как она и помыслить не могла до той поры, только предощущала, что возможна некая высшая правильность и точность; кровь зазвенела раскрепощенным гонгом, а Ринальдо с его куцей мудростью, с его вымученными, причудливо и бесплодно сплетенными моралите пропал навсегда. Чан помолчал еще, потом полуобернулся к Айрис: «Это сама жизнь летит под крыло. Преданно стелется, и отлетает, и кричит: задержись, возьми меня! — Он помедлил.— И ты берешь».

Этот вечер все решил. Но Чанаргван был порядочным человеком, и Айрис тоже. Он взял ее лишь через год, когда Ринальдо был уже в реанимации, и взял не подло, а на целых шесть лет.

За окном гомонили птицы.

— Мама...— беззащитно сказала Чари.

— Ну не так же это было, не так,— болезненно выговорила Айрис.— Почему ты всегда лжешь?

— Чтобы мне верили,— мгновенно ответил Ринальдо.

— Слышала? — крикнула Айрис.

— Ты, например, мне верила, только когда я врал и притворялся не-собой. А стоило мне по рассеянности или усталости захотеть внимания к собственной персоне, а не к желанной тебе модели, я сразу выбывал из отношений. Все связи рвались. Это такая жуть была — даже когда ты меня ласкала, я не мог отделаться от чувства, что ты не меня ласкаешь, а того, кем я прикидываюсь тебе в угоду. Нам в угоду. При этом ты до самой аварии утверждала, что, кроме меня, тебе никто не нужен, что во мне твои корни...

— Перестань!

— А я всегда всем верил и очень хотел, чтобы всегда верили мне. Хотя бы в главном. Совершенно не переносил недоверия. Совершенно не понимал, как это можно — не верить. Потому что верить — это и значит понимать, не отмахиваться от чужих слов как от маловажной ерунды, а принимать их как требующий осмысления, учета, уважения факт. И, готовясь к какому-то главному — я тогда думал еще, что у нас будет главное,— я принуждал себя лгать, чтобы ты привыкла, что я не обманываю.

— Болтун...— Айрис села опять, глаза ее блестели торжеством.— Сколько лет прошло, а я не могу без отвращения слышать твой голос.

Ринальдо почувствовал, как Чари снова взяла его за руку.

— Пойдемте,— сказала она тихо.— Вы хотите есть? Или... хотите, я вас провожу?

— Хочу,— сказал Ринальдо. Это была правда. Странно, подумал он, я был убежден, что давно уже разучился хотеть для себя...

— Чари,— мертво произнесла Айрис.— Если ты выйдешь сейчас из дома, можешь больше не возвращаться. Я тебя не впущу.

— Ты думаешь, я так люблю этот дом? — звонко спросила Чари.

На крыльце они остановились, и Чари глубоко вдохнула лучистый, зеленый от летних листьев воздух.

— А знаете, Ринальдо, у нас здесь птицы ручные,— вдруг сообщила она.— Вот так руку подставить — и тут же прилетит. Раньше мне нравилось их с ладони кормить, а теперь разонравилось. Не люблю ничего ручного.

— На мой взгляд,— улыбнулся Ринальдо,— для птиц быть ручными не зазорно.

Удивительное существо была эта Чари. Ей можно было открыто, не боясь обидеть или нажить противника, заявить о своем несогласии, да еще по такому чудесному вопросу, как кормление с ладони птиц.

— Для птиц — да,— нетерпеливо сказала Чари,— но и люди... Вот мама — устраивает трагедии для любящих людей и в трагедиях этих прямо купается, рыдает, не спит... И ничего не чувствует, по-моему.

— Отчего же непременно для любящих?

— Так вот именно потому что ручные и риска никакого! Как птица. Подставишь пустую ладонь, без зернышек — прилетит, растерянно так покрутит головой... на один бок, на другой бок, дескать, что ж вы так обманываете... улетит. Через пять минут опять подставишь пустую ладонь — и тут как тут. И она-то рада-радешенька, что к ней прилетают именно впустую! На корм-то к кому угодно прилетят! Тщеславие одно...

— Чари, а вам никогда не приходило в голову, что синицы прекрасно все видят издалека, но просто не хотят разочаровывать пустую ладонь. Хотят сделать ей приятное, что ли... Обман на обман — а в итоге все-таки общение. Побыли вместе.

— Никак не пойму,— проговорила Чари.— Неужели вы все еще любите?

Ринальдо смущенно погладил свою лысеющую голову.

— Есть столько состояний между «любишь» и «не любишь»...

— Не могу представить,— решительно сказала Чари.— Уж или да или нет.

— Это не совсем так,— с удовольствием не согласился Ринальдо.— И потом, Чари... Надо расставаться вовремя. Чтобы застраховать себя от одиночества. Понимаете?

— Не понимаю, Ринальдо.

— Чари. Если разойтись, покуда еще любишь, только не можешь быть вместе — остается воспоминание. Остается надежда на новую встречу. Есть для чего жить, есть для чего становиться лучше, делать все, что можешь, как можно лучше... Если промедлить — душа выгорит в бесплодной борьбе, и останется пепелище.— Он помедлил.— Мне часто бывает грустно, но пусто — никогда. А ведь пустота хуже грусти. Грусть помогает работать. Пустота сушит, останавливает. Я никогда не стану одинок.

Чари, чуть приоткрыв рот, потрясенно и зачарованно смотрела ему в лицо. Когда он замолчал, она отвернулась, оглядывая лес, но в лесу раздался приближающийся топот, и Чжуэр, вздымая тяжелыми бутсами песок тропинки, вылетел галопом из-за поворота. Он тяжело дышал, и воротник его перетянутого ремнями комбинезона был расстегнут на одну пуговицу; но еще на бегу поймав удивленный взгляд Ринальдо и истолковав его по-своему, как относящийся к форме происходящего, а не к самому происходящему, он застегнулся ловким, скользящим движением левой руки. А в правой трепетал белоснежный бланк шифрованной депеши.

Ринальдо успел увидеть, как изумились глаза Чари, и мгновенное удушье сжало грудь. Ринальдо на миг ослеп и оглох — но тут же пришел в себя, откинувшись спиной на резную опору, и первое, что он увидел, прозрев, снова были ослепительные глаза девушки, с испугом и беспокойством устремленные на него.

— Ну, что там взорвалось еще? — услышал он собственный небрежный голос.

— Зашифровано вашим шифром!

Ринальдо уже привычно, с ледяной душой, наложил дешифратор. Он думал, что готов ко всему. Он снова ошибся.

«Координационный центр — Комиссии. С Ганимеда, из Института физики пространства, поступил крайне странный запрос. Не исключено, что он имеет связь с событиями последних дней. Во-первых, дирекция просит прислать звездолетный нейтринный запал для проведения неких экспериментов. Вовторых, по просьбе сотрудника института Саранцева М. Ю.— специально оговорено, что по частной просьбе,— институт запрашивает, не было ли замечено неполадок и сбоев в работе нейтринных запалов при последних стартах».

Вот теперь ноги перестали держать Ринальдо. Все спалось, и бесформенно слепилось вокруг, и погасло. Чжуэр попытался поддержать Ринальдо, но Чари порывисто опередила секретаря; слепая ладонь, падавшая в бессильной надежде на случайную опору, встретила ее твердую, горячую руку.

— Вот...— выдохнул Ринальдо и больше ничего не смог произнести. Он чувствовал себя сделанным из мокрой ваты.— Вот,— он сразу понял все.— Опять как с Солнцем... Чари!

— Я здесь,— поспешно сказала она.— Здесь, Ринальдо.

И тут он понял совсем все.

— Чжуэр! — протяжно крикнул он — так кричат, получив смертельную рану.— Председателю это пошло?!

— Я вручил,— бесстрастно ответил Чжуэр, но Ринальдо показалось, что где-то в глубине его голоса отзвенел торжественный звук фанфар.

— Он не сказал, что в шифрограмме? — тихо спросил Ринальдо.

— Никак нет.

— Что он сказал?

— Он не сказал ничего. Он попросил у меня мой излучатель.

— С какой целью?

— Не могу знать.

— И вы дали?! — потрясенно спросил Ринальдо.

— Так точно.— И вновь за непроницаемой стеной точеного ответа запел победный горн.

— И не спросили зачем?

— Это было бы бестактно с моей стороны,— твердо ответил Чжуэр.

Ринальдо стал пружиной.

— Чари,— бросил он, задыхаясь,— милая девочка, хорошая, спасибо тебе, прости, я бегу. Твой отец в опасности!

И он действительно побежал.

— Чжуэр! — хлестнуло уже от поворота.

Он бежал так, что Чжуэр с трудом догнал его лишь на полдороге к прикорнувшему на песчаном берегу озерца орнитоптеру.

Внизу, медленно поворачиваясь, возникала из дымки устремленная ввысь угловатая громада Совета. Орнитоптер снижался, планируя вдоль нее на предельной скорости, и огненным частоколом летящие окна фасада перебирали, перебрасывали друг другу прерывистый отсвет солнца.

Ринальдо опоздал.

Опоздал буквально на несколько секунд. А возможно, Чанаргван, понимая, что Ринальдо появится вскоре, специально медлил и ждал с излучателем в руке, когда распахнется громадная дверь кабинета, воздух, дрогнув, колыхнет портьеры и щуплая фигурка высветится на пороге,— возможно, эту последнюю маленькую радость он сознательно позволил себе, уже приняв последнее большое решение. Возможно, он думал, что получил на нее право, ибо, возможно, думал, что это решение — самое честное и мужественное из всех его решений. А возможно, он сам уже куражился, как божок-садист, ибо запредельно и непереносимо унизительным для его железной воли борца и первопроходца оказалось то, что все-таки нет ни бога, ни диверсии, ни стихийного бедствия, ничего, что можно победить и превозмочь, навалившись изо всех сил,— что его сделал мясником просто-напросто нормальный, но необозримый технологический процесс, совсем не враждебная работа самих же людей; и мало того — людей, изыскания которых, находясь в ведении Отдела прикладных исследований комиссии по переселению, находятся в конечном счете в его собственном ведении. Возможно. Ринальдо не успел даже крикнуть, влетев в сумрак. Тонкий голубой луч озарил кабинет невыносимым режущим светом. Стоящий у стола силуэт Чанаргвана, как никогда, огромный, призрачный и

полыхающий огнями электросварки в этом невероятном мгновенном свете, отлетел в накренившееся кресло, а голова, излучая, казалось, неподвижные облака сияющего пара, замерла в полете. Раздался длинный шипящий звук, будто на раскаленную плиту пролилась вода. Ринальдо долго стоял, захлопнув глаза руками, но голубое дрожащее видение не унималось, пульсировало в мозгу и выцветало медленно, медленно, медленно.

Почти вслепую Ринальдо вернулся к двери, на ощупь тронул выключатель. Свет громадных люстр оказался траурно тусклым. Кабинет раздулся, раздался от непривычного ему верхнего освещения. Вдоль стены, ведя по ней ослабевшей рукой и стараясь не глядеть в сторону стола, в мертвой тишине Ринальдо доковылял до прикрытых портьерами книжных стеллажей. Смысл всех цитат, которые ему захотелось увидеть сейчас, он знал давно — но ему нужны были слова, строки, материальные свидетельства того, как, колотясь в тисках преград и противоречий, социальная структура, являвшаяся зачатком той грандиозной общности, во главе которой оказался Ринальдо в эти страшные дни, выстояла против силы, казавшейся по крайней мере не менее неодолимой, чем сила, давившая ныне. Ринальдо снял с полки сразу два тома, раскрыл один — и на пол упала закладка. Отложив книги, Ринальдо с трудом нагнулся и поднял закладку с ковра — то была аккуратная фотокопия, сделанная по просьбе Ринальдо, еще когда он собирал материал для диссертации в исторических архивах. Ринальдо был привязчив и душой, и рассудком и с этим документом не расставался никогда. Плотная, упругая бумага глянцевито отблескивала, неся непривычные узоры отпечатанного на старинной механической машинке приказа № 29 по красногвардейскому батальону имени Фридриха Энгельса. «Красное командирство есть сознательное революционное красное геройство, при помощи которого более сознательный революционный боец указывает менее сознательному революционному бойцу где, как и когда последний должен пролить свою священную кровь во благо мировой революции. Если же красный командир-герой укажет неверно и священная рабочая народная кровь бесполезно прольется, мы самого его прислоним к стенке». Упругий листок мелко, ритмично прыгал в пальцах Ринальдо — пальцы дрожали. Слепящий блик парадной люстры егозил по нему вправо-влево, словно спеша замазать строки непроглядным сверканием, но те подныривали под него и вновь выталкивали на поверхность свои неповрежденные крылья — то левое, то правое. На поле, сбоку, виднелась едва заметная серая вязь — торопливая пометка, сделанная карандашом бог весть кем, бог весть сколько десятилетий назад и бережно сохраненная копией: «Но как узнают, что неверно и бесполезно? Три исторических типа собственности, определяющих структуру власти и общественные противоречия: на людей, на неодушевленные средства производства и на информацию (Тоффлер)???»

Ринальдо бережно отложил фотокопию и открыл оба тома сразу.

«Замечу в скобках,— писал Ленин в статье «О значении золота теперь и после полной победы социализма»,— что цифры эти я беру совершенно произвольно, во-первых, потому, что я не знаю точных цифр, а во-вторых, потому что, если б я их знал, я бы сейчас их не опубликовал».

«Что, ежели такое примерно решение будет вынесено, можете вы отрицать его пользу? — писал Ленин в записке Богданову.— Его общественное значение, в 1000 раз большее, чем келейно-партийно-цекистски-идиотское притушение поганого дела о поганой волоките без гласности? Мы не умеем гласно судить за поганую волокиту: за это нас всех и Наркомюст сугубо надо вешать на вонючих веревках».

Вот, думал Ринальдо, укладывая фотокопию на прежнее место между страницами и расставляя книги по их гнездам. Руки опять были из мокрой ваты. Вот.

Саранцев М. Ю. Что же ты натворил такое в своем институте, Саранцев М. Ю., что мы убили двести с лишним тысяч человек? Как можно было узнать о тебе заранее и как заранее предупредить тебя, как?! Как совместить естественную — и социально необходимую, оттого и естественную, кстати,— человеческую искренность и задачу распределять вал информации наилучшим для дела образом? Не знаю. Нет общего ответа. Нет. Все ответы всегда знает только Чанаргван. Вот он лежит.

Ринальдо сел рядом с Чанаргваном прямо на пол. Было так пусто в мире, хоть плачь. Сердце остановилось.

МЭЛОР

Бекки вошла.

— А эти что там делают? — спросил Мэлор.

— А что им осталось? Бу-бу-бу-бу. Вот что они делают. Бу-бу-бу с умным видом. Сидят, обсуждают и восхищаются. Весь день.

— А знаешь, ласонька, я ведь и не сообразил вчера, что такую штуку придумал. Так спать уже хотел. Вывел закон дисперсии — ну, думаю, вот и все, пора к тебе...

— Чудик,— сказала она с нежностью.— А зачем у тебя свечки горят?

— А у меня и музыка играла,— похвастался Мэлор.— Клавесинчик. Только когда постучали, я чего-то застеснялся, подумал, это из них кто-нибудь, и выключил.

— Свинья ты свинская, слушаешь без меня!

Он метнулся к кристаллофону. Хрупкая музыка возникла снова, зазвенела в мягких стенах.

— Знаешь,— сказала Бекки задумчиво,— когда я слышу такое, мне видится, что кто-то очень добрый... непредставимо добрый, почти как ты, тонкими такими замечательными пальцами перебирает драгоценные камни, чтобы выбрать, какой подарить мне. И они сыплются с ладоней и сверкают, сверкают...

— А мне,— ответил Мэлор, беззвучно подходя к ней,— мерещится мое любимое звездное небо. И взгляд прыгает от звезды к звезде.

Она улыбнулась и сказала:

— Мужчина и женщина...

Он несильно обнял ее, и ее дыхание сразу участилось; он повел ладонью по ее предплечью, потом поднялся к шее, и то, что вдруг кончился воротник и началась она сама, было как вспышка.

— Ты зачем меня к ним прогнал? — спросила она шепотом. Она всегда переходила на шепот, как только он касался ее.

— Не знаю,— так же тихо ответил он.— Хотел, чтобы ты пришла. Это так здорово, когда ты приходишь... Ты чудо. Всякая женщина чудо, а влюбленная — вдвойне, а ты — четырежды...

— Давай возьмем отпуск,— ловя момент, предложила Бекки.— Ты же вымотался ужасно. И вполне заслужил. Неделю поплаваем в каком-нибудь теплом море, а неделю на лыжах побегаем.

— Давай,— сразу согласился Мэлор.

— Я после института была в замечательном спортлагере в Антарктиде, на Земле Королевы Мод. Я еще тогда подумала: если кого-нибудь полюблю, обязательно поеду туда с ним вдвоем. Народу немного, прекрасные трассы, и пингвины так смешно пристают...

— Никогда не был в Антарктиде.

— Правда, говорят, там вроде бы закрыто сейчас из-за отравления — какая-то старая военная отрава вылилась из потайного хранилища, когда начали строить новый аэродром...

— Даже не слышал.

— Прилетим на Землю, я позвоню туда и все выясню.

— А тогда ты там была одна?

— С двумя подругами.

Мэлор улыбнулся.

— Летом там тепло,— мечтательно сказала Бекки.— Солнышко даже пригревает, на крыше большой солярий... а внизу бассейн с океанской водой. И снег сверкает — иногда я очки надевала...

— Пингвинов хочу,— детским голосом сказал Мэлор.

— Будут тебе пингвины, маленький мой! — нежно пообещала Бекки.— Будешь их с руки кормить, вот так...— она взяли ладонь Мэлора и поднесла к лицу, подождала мгновение, точно зная, просто физически ощущая, как падает у Мэлора сердце от удовольствия, гордости и ожидания, а потом стала целовать ее, упруго покалывая кончиком языка.

В дверь постучали несмело, но долго и настойчиво, не оставляя сомнений в том, что открыть — нужно. Бекки медленно, с удивлением отступила.

— Мэл,— раздался из-за двери голос Карела.— Простите, ребята... Можно к вам? Ответ пришел.

Мэлор метнулся к двери:

— Конечно, можно!

Дверь пропустила Карела, и пламя свечей всполошенно затрепетало, калеча туманные тени на стенах.

— Что?! — спросил Мэлор.

Карел слегка развел руками. Он выглядел непривычно опечаленно и оттого неавторитетно. Как растерявшийся друг, а не начальник.

— Запал они обещали... И вот... Тебя зовут,— произнес он извиняющимся тоном.— Со всеми расчетами.

— Куда? — выдохнул Мэлор.— Когда?

— Срочно,— Карел протянул бланк.— Читай...

Мэлор прочитал. Опустил руку.

— Можно мне? — робко попросила Бекки.

— Да, конечно,— ответил Мэлор бесцветно и двинулся к ней, мимоходом выключив кристаллофон.

— И когда? — спросила она очень спокойно, пробежав глазами скупые серые строки. Мэлор обернулся к Карелу. Карел помялся.

— Сейчас,— сказал он.— Они прислали катер.

Бекки прикрыла глаза. Зачем же это, подумала она. Зачем же тогда все, если потом вот так?

— Я с тобой,— сказала она.

— Двухместный катер с пилотом,— сообщил Карел виновато.— Скоростной,

— Завтра,— предложил Мэлор.

Карел пожал плечами.

— Смотри, голова,— проговорил он.— Там ясно сказано.

— Но я не хочу никуда!

— Да что ты паникуешь?

— А больше радио не было? — спросила Бекки.

— Да нет, только вот с пилотом переслали. А что?

— Корабли,— выговорил Мэлор.— Тут ни слова про корабли.

— Дались вам эти корабли! — взбеленился Карел.— При чем тут корабли?

— Только не тяни,— сказала Бекки.

Мэлор судорожно глотнул, глядя на нее.

— Я...— сказал он петушиным голосом.

Провожать его к переходу пришли все, и каждый пожал ему руку, ведь это было очень странно — чтобы вот так кого-то отзывали вместо ответа. А Бекки поцеловала его, глядя совершенно завороженными, бездонно-черными от боли глазами.

— Я скоро,— бодро пообещал Мэлор.— Одной ногой там, другой, сами понимаете, уже обратно здесь. Ты тут... это... будь мне верна.

Ее губы задергались, пытаясь улыбнуться в ответ на его вымученную шутку. Не смогли. Тогда она отрывисто закивала, стряхнув слезинки с ресниц, и почти беззвучно прошептала что-то вроде: «Мир фар дайн пуным...»

— Что? — шепнул Мэлор. Она покраснела.

— Старое-старое заклинание. Ужасно старое. Значит, у тебя все будет хорошо.

— У нас все будет хорошо,— сказал Мэлор.

— Пусть будут мне твои беды,— перевела Бекки.

Глава II. РЕШЕНИЕ

РИНАЛЬДО

— Только еще раз хочу вам напомнить,— сказал Чжуэр.— Председатель комиссии буквально несколько часов назад потерял друга и перенес в связи с этим тяжелейший сердечный приступ. Прошу вас, как бы ни сложился разговор, быть предельно корректным и тактичным.

— Я понимаю,— ответил Мэлор.— Но, знаете... это единственное, что я понимаю.

Наглухо затянутый в плотный черный комбинезон Чжуэр открыл перед ним дверь. Его высокие ботинки отчетливо и басовито поскрипывали на каждом шагу.

— Я тоже не все понимаю, Мэлор Юрьевич,— сказал он.— И тоже не все знаю. Для того вас и пригласили сюда, чтобы все мы могли окончательно разобраться в этой тягостной ситуации.

— Да что случилось-то? — вспылил Мэлор. Чжуэр ответил едва слышно:

— Тише...

В сумеречной бездне кабинета, за громадным столом, сидел миниатюрный человек, и чем ближе подходил Мэлор, тем сильнее сжималось его сердце от какого-то непроизвольного, инстинктивного сострадания. У человека за столом было меловое лицо и больной взгляд. Он, очевидно, нуждался в помощи; Чжуэр мог бы не говорить ни слова — Мэлор чувствовал, будто в руках у него оказалась хрупкая до прозрачности драгоценная ваза, которую малейшее неверное движение, даже громкий звук, могли истребить.

Талантливый мальчик был растерян и напуган и, кажется, возмущен немного. Его оторвали от его девочки и его установки, принесшей ему успех там, где многие метры сломались и позвали к трясущемуся мертвецу невесть зачем; а действительно — зачем? Ринальдо теперь никак не мог ответить себе на этот вопрос и, глядя на приближающегося Мэлора, все пытался — до дрожи в пальцах — заставить себя вспомнить или заново сообразить, для чего он хотел видеть того, кто невольно убил более двухсот тысяч людей за три дня. Не вспоминалось. Мысль снова, как во времена споров с Чанаргваном, бессильно хлопала о какую-то твердь, и не было возможности сформулировать логическое обоснование для этой встречи. Просто. Оставлять мальчика в неведении — неэтично. А последствия? Мэлор подходил, Ринальдо видел, что с каждым шагом он идет все осторожнее, все бережнее, почти на цыпочках — заботливый мальчик, славный мальчик,— и руки Ринальдо, упрятанные на подлокотники кресла, дрожали все сильнее от панического желания вызвать Чжуэра и крикнуть ему: «Уведите! Встреча нецелесообразна!»

— Здравствуйте, Мэлор Юрьевич. Присаживайтесь.

— Здравствуйте...

— Эксперты Комиссии ознакомились с привезенной вами документацией. Правильно ли я их понял, что создание установки для надпространственной связи — это дело недель, если не дней?

Мэлор пригладил волосы. Оправил свитер.

— Скорее все же недель. Удалось пока поймать лишь общий принцип, он нуждается в экспериментальном подтверждении. Скажите — во время стартов...

— Верно ли я понял экспертов, что фон обломков нейтрино, возникающий при работе ваших генераторов, рассасывается в пространстве почти мгновенно после выключения?

— Да. Правильно.

— На ночь ваша установка выключалась?

— Конечно.

Как просто, подумал Ринальдо с тоской. Если бы мы назначили старты на после девяти вечера, ничего бы не случилось. Вообще ничего. Пути бы не пересеклись. Но час стартов казался не играющим никакой роли, и когда кто-то сказал: шестнадцать — теперь даже не вспомнить кто, хотя по записям дебатов имя можно восстановить без труда,— ни одного контрпредложения не последовало. Шестнадцать так шестнадцать...

— Что с кораблями? — глухо спросил Мэлор.

А теперь он сидел на расстоянии полутора метров, один из неисчислимых и неведомых — нет, не винтиков, а живых, полноценных людей, увлеченно и успешно делающих дело, которое мы же сами им поручили, способных и к любви, и к пониманию, и к самопожертвованию; один из тех, кто, будучи ничем не хуже и не лучше Чанаргвана, оказался обманут его стальной, но трусливой гордостью, секундным малодушием его триумфальной речи просто потому, что это по-человечески вполне простительное малодушие было немедленно пропущено через социальные и технические механизмы усиления. Чем-то этот мальчик напоминал Дахра. Капля расплавленного золота — вот чем. Мало сказать, что он имел право знать. Ринальдо с его обостренной способностью к сопереживанию физически ощущал, как в панорамной, объемной, яркой картине мира, окружавшей сознание сидящего напротив него человека, зияет бесцветное пятно искажения; зловещий пролом от сброшенной извне глыбы полунамеренного обмана, и через этот незамечаемый пролом стремительно и больно испаряются в никуда, на потребу уже сбежавшему обманщику, и способность любить, и способность жертвовать собой, и способность познавать; как полноценный человек превращается в слепой, нуждающийся в непрерывном программировании механизм, которому кто угодно, с какой угодно целью может сказать: иди вправо, дорога там ровнее. Видеть такое унижение было невыносимо.

— Аннигилировали все три,— сказал Ринальдо.

Кровь сошла с лица Мэлора. А потом задрожали пальцы сложенных на коленях рук. Как у Ринальдо.

— Насмерть? — беспомощно спросил он.

— Конечно,— Ринальдо помолчал.— Мужайтесь, Мэлор Юрьевич. Бывают эксперименты и похуже.

— Мы не виноваты...— пробормотал Мэлор. В углах его глаз заискрились слезы. Потом он вдруг подобрался.— Я один виноват. Это была моя серия... моя установка. Больше никто из персонала института к этому не причастен!

— Прекратите.— Ринальдо откинулся на спинку кресла и рассеянно поправил укрывавший ноги плед.— Вас никто не обвиняет.

Мэлор вдруг выпрямился в кресле.

— А почему... не сообщили сразу?

Ринальдо кивнул. Он решил идти до конца. Сказавший А должен говорить Б, иначе бессмысленно и жестоко начинать. Жестоко, бесчестно — и по отношению к себе, к собственным усилиям пробиться в правду, и по отношению к тому, кто рядом, к его боли от столкновения с каждой крупицей истины, оправдываемой лишь возвращением к полной информированности, а значит, к полной дееспособности. Хватило бы только сил доползти до Я.

— Видимо, это была ошибка. Мы решили, что первый взрыв — случайность,— Ринальдо не задумываясь опять сказал «мы» и вдруг сообразил, что поступает так же, как этот Мэлор минуту назад; и чувство единства с ним поднялось до головокружительной высоты восторга.— Мы не хотели терять ни дня, а сообщение о катастрофе надолго прервало бы старты. К сожалению, иногда приходится кривить душой по мелочам, чтобы тебе продолжали верить в главном... вы разве не знаете?

— По мелочам?

— По сравнению с главным это мелочи,— Ринальдо вплотную подошел к Б и ощущал упругое, нарастающее с приближением сопротивление очередной преграды; он ходил вокруг да около, накапливая силы, и уже отчетливо понимал, что после прорыва становится легче лишь на секунды, а потом все повторяется, как сначала. Он почти сознательно провоцировал дальнейшие вопросы, каждый из которых раз за разом припирал бы его к стенке и заставлял рассказывать дальше — так было легче.

— А что же главное? — осторожно спросил Мэлор.

Мальчик шел напролом, спрашивал, не боясь, и Ринальдо был благодарен ему за это. Он сгруппировался, словно перед прыжком,— и опять не смог.

— Переселение,— невнятно сказал он.

— Колонизация Терры?

— Да, колонизация Терры.

— Но что в ней такое? Почему вы вдруг заспешили? Мы уж и то недоумевали с ребятами — даже завершения работ по связи не дождались руководители...

Отступать было некуда. У Ринальдо снова задрожали пальцы. Предчувствие ужасных последствий бессмысленной, абсолютно не нужной для дела ломки сложившейся в последние годы информационной структуры мира затопляло его, как ледяная вода затопляет темные подвалы; Ринальдо боялся ненароком вызвать дьявола. Но ведь только дезинформируют с какой-то определенной целью, ради какой-то конкретной задачи. Информируют просто для того, чтобы мир не развалился. Напротив сидел человек — ничем не хуже Ринальдо, равный ему во всем — и спрашивал. Ринальдо знал, а человек не знал. Это было нечестно.

Ринальдо нахохлился, внимательно глядя на Мэлора.

Хотелось лечь, укрывшись потеплее, и вспоминать Чари. Фу, как нехорошо я себя чувствую, подумал Ринальдо, опять, того и гляди, в обморок... Начальник пооткровенничал с подчиненным и, не выдержав перенапряжения, умер от инфаркта. Анекдот. Какой хороший мальчик. Отчего нельзя просто посидеть с ним и побеседовать спокойно? Я сам всегда, ну пусть не всегда, пусть только в юности, мечтал быть таким. Никогда не врать и не умалчивать и не давать врать и умалчивать никому. А потом понял... Что я понял? Я просто устал от боли и решил, будто что-то понял. От физической боли. От боли, гложущей сердце, когда говоришь не ту правду, которую ждут.

— Солнце в стадии предновой,— проговорил он.

Мэлор окостенел.

— Что? — спросил он после паузы. Ринальдо молчал, отдыхая после головокружительного прыжка.— Что вы сказали?

— Это не колонизация Терры, Мэлор Юрьевич,— мягко пояснил Ринальдо,— это эвакуация Земли. У нас лет пять-шесть осталось.

Мэлор молчал. Снова помолчал и Ринальдо, давая Мэлору время прийти в себя.

— Каждый корабль берет сто тысяч пассажиров. День промедления убивает сто тысяч человек. А мы и так... при самом благоприятном раскладе сможем вывезти едва пятую часть населения. Пятую!

— Это бред! — хрипло сказал Мэлор.— Я физик. Солнце — стабильная звезда.

— Была стабильной,— согласился Ринальдо.— Это давно просчитали. Но энергетический баланс оставался неясным. Гипотез было много... Помните, в начале нашего разговора я обмолвился, что случаются эксперименты и похуже вашего. Скоро уж десять лет тому, как наши астрофизики, ведомые благим помыслом дать растущему человечеству новый источник энергии, предприняли серию экспериментов по просвечиванию Солнца перекрестными нейтринными пучками. Увы, оказалось, что избыток выброса энергии, необъяснимый в рамках классической модели водородно-гелиевого синтеза, обеспечивается за счет нейтринного фона Галактики. Возможно, даже Метагалактики. Это открытие, кстати, дало нам ключ к надпространству, дало средство спасения. Но, честное слово, если бы не оно, нам и спасаться было бы не от чего, потому что именно нейтринное перевозбуждение солнечного ядра и вызвало необратимый процесс, который через несколько лет приведет к превращению солнышка в Новую.

Когда-то, подумал Ринальдо, невольно продолжая начатую вслух мысль, апологеты гонки вооружений оправдывали ее тем, что она движет научно-технический прогресс, что без нее прогресс увянет. Бред. Кому нужен прогресс сам по себе — прогресс, увеличивающий могущество, но ухудшающий жизнь? Но и прогресс, улучшающий жизнь... Последние полтора века научные открытия чуть ли не в основном стимулировались необходимостью справиться с последствиями недальновидного применения научных открытий же. Экология семимильными шагами двинулась вперед, потому что мы спасались от экологического кризиса, спровоцированного нашей же промышленностью, которая вытащила нас из дикости и нищеты. Биология расцвела потому, что мы спасались от иммунного и генетического кризисов, спровоцированных нашей же медициной в тот момент, когда она покончила с вековечными бичами типа чумы или чахотки. А теперь? Любое самопроизвольное шевеление титанического организма индустрии чревато планетарными катаклизмами, не менее страшными, чем термоядерная война. А эти судороги неизбежны — и вот, чтобы их парировать, мы лезем все выше, вовлекаем в игру все более могущественные силы... Есть ли какой-то выход? Может ли быть создан социальный механизм, который позволял бы выходить из кризиса точно, а не бросаясь в другую, чреватую новым кризисом крайность? Почему об этом никогда не думают в спокойное время? Из-за сладкой уверенности, что все неприятности наконец-то позади и переделывать больше ничего не придется, что срок действия ленинских слов «переделывать, начинать сначала нам придется еще не раз» наконец-то истек? Может ли быть в принципе такой механизм?

Он вдруг сообразил, что этой философией пытается спастись от разговора, до бесконечности затянуть паузу. Мэлор молчал, не спрашивал ничего. Надо было ему помочь.

— Мы успели колоссально много. Разработали средства коммуникации. Нашли планету. Развернули кампанию по ее освоению, спровоцировали поток добровольцев. Построили флот, растущий с каждым днем, и успешно снабжаем его горючим — а это тоже не сахар, доложу я вам, горючее для кораблей... Но наши силы не беспредельны. Мы спасаем уже не людей, Мэлор Юрьевич. Цивилизацию. Приготовлены к эвакуации пирамида Хеопса и колоссы Мемнона, два ацтекских теокалли, полтора километра китайской стены, весь Колизей, весь Кремль, весь Лувр, весь Версаль, весь Тадж-Махал, весь Эрмитаж, весь Пекинский Императорский город, весь собор святого Петра, дворец дожей... Памятникам культуры отдано двести рейсов. Мы воссоздаем человечество... пусть не всех, далеко не всех людей, но оно будет иметь свою историю и культуру, будет служить продолжением нас, а не возникнет на голом месте. Вы понимаете?

— Пятая часть...— выговорил наконец Мэлор.— А медкомиссии?

Ринальдо медленно кивнул. Мальчик бил точно, не давая передышки, и Ринальдо вновь ощутил, как с треском прогнулась, напрягаясь и не пуская дальше, почти неодолимая преграда... даже не страха, а невозможности, полной противоестественности оглашения...

— Нужен же какой-то критерий. Не жребий ведь бросать, правда? Не характеристики собирать... Медкомиссии оценивают чистоту генокода. Собственно, бесчисленные медики из комиссий понятия не имеют, как обрабатываются взятые ими анализы,— все идет на Большой Комп Цирюхского генокартографического центра, и реально в курсе лишь два работающих там от комиссии по переселению специалиста. Те, у кого вероятнее удачное потомство, получают преимущественное право на эвакуацию. Думайте об этом что хотите, Мэлор Юрьевич,— Ринальдо чуть развел руками,— но глупо было бы не воспользоваться такой возможностью, раз уж мы все равно поставлены перед необходимостью отбора,— он помолчал, покусывая губу.— Может быть, вас немного утешит, что меня, например, не пропустили.

— Почему об этом молчат? — медленно спросил Мэлор.

— Как можно сказать об этом?

— Как сказать? Просто! Языком!!

— Языком, понимаю. Например, о спасении памятников. Умом все мы согласимся, что они должны быть по возможности сохранены. Просто потому, что без них люди будут уже не вполне люди. Но представьте, что перед миллионами встанет проблема: место на корабле, где мог бы быть живой я — или даже живой мой ребенок, кстати! — отдано мертвым кускам мрамора, или картинам, или книгам, которые человечеству нужны больше, чем я, но мне-то нужны гораздо меньше, чем я! Весело?

Мэлор опять долго молчал.

Молчал уже совсем враждебно. Ринальдо стало не по себе — и вдруг ему показалось, будто он понял, зачем рассказывает.

Догадка была убийственной. Это не честность. Это всего лишь желание оправдаться — уже сейчас, не через годы, когда жизнь спасенной доли человечества без слов докажет правомерность мук и жертв, а теперь же. Пока Солнце еще не убивает, а убивают лишь спасители. Вот чего я жду, подумал Ринальдо с ужасом и отвращением, от которых опять сердце запнулось и темная пелена повисла перед глазами, грозя упасть и накрыть мир; чтобы в итоге разговора — не разговора, исповеди! — этот мальчик, которому сам он навязал средневековую роль исповедника, принял его покаяние и убежденно сказал: да, вы поступали верно... Или даже так: да, я вас прощаю.

Но ведь он так не скажет.

Он вошел сюда с глазами заботливого сына, а теперь смотрит не как духовник — как судья.

Все-таки ошибка. Все-таки — усталость, и не больше того. Нельзя говорить! А я еще гордился...

Ринальдо сунул ледяные руки под плед, но теплее не стало.

— Разве не возросли бы возможности к спасению, если бы вам не приходилось действовать тайком? — спросил Мэлор тихо.— Если бы люди знали?

Пути назад не было, следовало отвечать и впредь. Но Ринальдо попробовал выдавить ответ — и понял, что сломался. Сам вопрос человека, сидящего напротив, означал обвинение. Мальчик, с внезапной неприязнью глядя на чистое непримиримое лицо, которое только что так восхищало его, подумал Ринальдо. Почему ты как должноевоспринял то, что я простил тебя? И даже не подумал ответить мне тем же? Ведь это ты взорвал три звездолета, не я. Твоя нерасторопность и некомпетентность. Но я не обвинил тебя, не стал грозить, я ведь знаю, что твои благодеяния и злодейства — лишь плеск напряжений и страстей на острие слепо летящей в бесконечность иглы, лишь лихорадочный танец молекул в тонком слое взаимодействия; и пока ты честен и добр в меру отпущенного страстной молекуле разумения, пока стремишься познавать и тем увеличивать эту меру, ты — чист. А ты будто балованный ребенок — получив прощение, сразу смотришь свысока. И знать ты стремишься для того только, чтобы всласть разбрасывать обвинительные вердикты. Только прощение соединяет — а ты тянешь к разрыву. Ты только показался хорошим. Я не верю, я не нуждаюсь в тебе.

Ринальдо откинулся на спинку кресла.

— Индустриальные мощности и без того на пределе,— холодно сказал он.—

В вас, я вижу, живет эта детская уверенность, что стоит напугать или подстегнуть — и люди начнут сворачивать горы. Не начнут. Строить больше кораблей просто невозможно — нет ни сырья, ни оборудования. Строить больше оборудования и добывать больше сырья невозможно — для этого нет необходимых оборудования и сырья. И так далее. Экономика стянута в тугой клубок, которому ничего не прикажешь ни кнутом, ни пряником. Она сложна и самостоятельна, как любое иное глобальное явление. И то, что это явление мы создали сами, отнюдь не увеличивает нашу власть над ним. Вы, физик, имеете ли представление, например, о мезонном цикле?

— Что?

— Он применяется для создания силовых клапанов в инжекторах вспомогательных систем жизнеобеспечения. Маленькие такие, с ноготь, и на каждом корабле их порядка двадцати тысяч. Вижу, что нет. Я тоже нет. Этому шесть лет учатся. Как раз столько времени осталось до взрыва. За предыдущие шесть лет мы подготовили армию специалистов, превышающую ту, что была, в двадцать три с половиной раза. Это было все, что могли дать вузы, потому что на большее нет ни практикумов, ни тренажеров, ни обучающих аппаратов, ни их лент... их количество также увеличено приблизительно в те же двадцать три с половиной раза. И так далее. Это в условиях массового радостного энтузиазма по поводу переселения. А в условиях страха всеобщей гибели...

— Вы обрекаете на смерть чуть не сорок миллиардов человек и молчите...

— А вы, уважаемый Мэлор Юрьевич, настаиваете, чтобы мы любезно известили их об этом?

— Не верю! Не верю я вашим индустриальным выкладкам!

— Это не разговор, Мэлор Юрьевич. Экономика — не религия. От веры или неверия тут ничего не зависит.

— Да все вместе мы...

— Кто станет вместе? На чье сплочение вы рассчитываете? Улетающих с остающимися? Да только слово скажи — начнутся страшные, каких еще не видела планета, драки, бои, битвы! За места на кораблях! Исступленные и бессмысленные поиски виновных, самосуд, хаос, бойня! Мы не успеем вывезти и десятой доли того, что могли бы!

— Какая бойня? Какой хаос? Да как вы думаете о людях? Какое право вы имеете управлять нами, так думая о нас?

Лицо Ринальдо стало жестким, и морщины прорезались четко, как сабельные шрамы.

— Ах, вот как вы заговорили! Но, простите, с какой стати я должен думать о вас лучше? Что вы-то знаете о людях? Сорок лет как государственные границы стали милым анахронизмом, вроде лондонских туманов,— а вы знаете, что в семи регионах мира мы до сих пор сталкиваемся с систематическими рецидивами расизма и национализма? Я уж не говорю о спорадических. Вы физик, одаренный, честь вам и хвала, никто не смеет оторвать вас от пера и бумаги — а знаете вы, что такое, когда в дружинников сил безопасности стреляют из настоящих пулеметов и лазерных базук на дорогах? Средь бела дня? Знаете, что по крайней мере из трех регионов продолжают поступать в мир наркотики? Знаете? Слышали что-то... Есть о чем посудачить на досуге, когда мозг устал от работы... Тридцать лет как окончательно исчезли из обихода деньги — и тем не менее до сих пор мы расследуем кражи. Зачем крадут? Я не понимаю. Из музеев, из общественных зданий, друг у друга... А знаете, что нам до сих пор не доверяют? Нам — Совету? Я не беру последние проклятые годы — но прежде!.. Все преимущества, даваемые статусом общественного деятеля, пропали еще до моего рождения — и тем не менее рефлекс недоверия к управленческому аппарату не удается преодолеть. Дескать, эти-то уж себя не обделят! Вот вы же не верите мне сейчас.

— Я верю, но дело не...

— Не верите! Вы сидите и думаете: старый гестаповец, недобитый комендант Освенцима, вешает мне лапшу на уши, стремясь ускользнуть от справедливого возмездия!

— Ринальдо! Что вы говорите!

— И в то же время требуете, чтобы мы ввели всю эту чудовищную ораву в такое искушение! Да нас же просто сомнут! И вас сомнут с нами заодно, уважаемый Мэлор Юрьевич! Так за что мне доверять вам? Вы что, перестали сплетничать? Перестали лгать? Перестали пытаться управлять друг другом, вместо того чтобы учиться принимать и уважать друг друга? Вы, может, и

поручитесь, что люди стройными рядами, забыв сон и трапезы, бросятся строить корабли для ближних своих и своих любимых. А я вам не поверю! Я поручусь, что из ста по крайней мере двадцать бросятся отбивать корабли у ближних! И по крайней мере пять из них будут с оружием, которым два века назад всякая сволочь просто нашпиговала планету! Вы можете сказать: я уверен в светлом начале человека; да, гуманизм переборет; да, взаимопомощь победит! А я так сказать не имею права! Я отвечаю за все это, и за светлое начало, и за гуманизм, и за вас, сидящего за письменным столом. И я обязан иметь запас прочности, обязан исходить из худшего, чтобы, когда солнце лопнет у меня над головой, я знал: там, на Терре, не обреченная на вымирание группка, а жизнеспособный трансплантат человечества! Все висит на волоске, и если сказать об этом вслух, волосок может порваться. Может и не порваться; может, если сказать, мы успеем спасти не двадцать два, а целых, понимаете ли, двадцать три с половиной процента — а вдруг и вообще ни одного! Выигрыш невелик, а риск чудовищен! Ибо может, может и порваться!..

— Вы...— прохрипел Мэлор.— Вы...

— Молчите. Хватит уже.

— Но должен же быть какой-то выход! Ведь нельзя же... нельзя, чтобы вы были правы!

— Нельзя? Совсем нельзя? Хорошо, любезный Мэлор Юрьевич, пусть я выживший из ума мизантроп. А все люди — замечательные, как вот вы. Но этот факт сам по себе никого из них не спасает. Всех замечательных мы все равно не успеем вывезти, понимаете вы наконец?! Все равно, все равно, все равно!! — закричал он с отчаянием, накопившимся за многие годы.— Так не жестоко ли отнимать у этих замечательных обреченных целых шесть лет их замечательной жизни, полной любви, заботы, творчества! Может, пусть лучше живут так до последней секунды, нет?!

Мэлор молчал.

— Все висит на волоске. Миллионы лет жизни, тысячи лет цивилизации. Все, абсолютно все жертвы и страдания могут оказаться напрасными. Этого нельзя допустить. Грош нам всем цена, если мы это допустим.

— Я понимаю,— сказал Мэлор безжизненно.— Но не могу согласиться с вами.

— Это ваше право, конечно. Но это вам только кажется сгоряча.

Лицо Мэлора было серым.

— Я не могу здесь больше быть,— проговорил он угрюмо и опустил взгляд.

— Не могу, не могу...— почти презрительно передразнил его Ринальдо.

— Я к вам еще приду,— сказал Мэлор после паузы.

Ринальдо с ледяной вежливостью ответил:

— Буду очень рад увидеть вас снова.

МЭЛОР

На Земле шел дождь.

Дрожащая завеса звенела и дышала, купая в жемчужном тумане невесомую громаду Совета, застилая горизонт. Пытаясь умыть этот мир. Мэлор был один.

Солнце не было видно.

Солнце...

Вот, оказывается, как... Вот что происходит... Вот каков мир вокруг. Как же я ничегошеньки не знал и не понимал. Ринальдо, простите меня за то, что я, не зная и не понимая, возмущался вами!..

Как дико...

Как скучно.

Как ничего нельзя сделать. Хоть расшибись об стенку, хоть облейся бензином и чиркни спичкой прилюдно — ничего, ничего не изменится, только перестанешь быть. А в положенный час расколется небо, солнце вспухнет страшным цветом, и лопнет, и покатит в пустоту зыбкие волны огня...

Как противно все, как гнусно. Что же это они сделали?

Это не они. Познание происходит методом проб и ошибок. На ошибках учатся. Ха-ха.

Ну ведь невозможно же, чтобы весь этот мир, весь мир!.. Все миры этого Солнца и Ганимед, где Бекки моя ждет и волнуется и не знает, что думать. Весь мой мир, все люди, с которыми я встречался, и с которыми встретился

бы позже, и с которыми не встретился бы никогда... И дом, где я родился, на косогоре над подмосковной речушкой Лбовкой, которой и на картах-то нет,— но ведь в ней, в ней мы, мальчишки, ловили щурят прямо руками в прозрачной воде под ветлой; и церквушка на пригорке, смешная и домашняя, как курица... Кто их-то вытащит из огня? Тадж-Махал, Лувр. Без них нельзя, а без церквушки можно?

Да пусть я сгорю, но ветла и шурята должны спастись!

Университет над холодной царственной Невой; Крым, зазубренный Карадаг, где я отдыхал и так скоропостижно влюбился в эту... длинноногую, и сама эта длинноногая, и те, в кого она влюблялась до и после меня...

Не остановить.

Солнце. Этакая прорва, этакий мешок раскаленной плазмы, лопнет и затопит все до Плутона, ничего не останется.

Как жить-то не хочется.

Тоска. Хоть ложись на землю и лежи, пускай дождик щелкает напоследок по спине. Пей из луж. Мэлор опустился на колени, потом на четвереньки, приблизил лицо к переплясу пузырей. Кажется, пузыри к хорошей погоде. Как это... к вёдру. Вгляделся в темный, скачущий контур своей тени. Скорчил какую-то рожу. Плюнул. Встал.

В сверкающей пелене впереди уже угадывалось окончание аллеи и смутные очертания орнитоптеров на стоянке. Шумные потоки дождя разбивались о жесткие прозрачные крыши, водопадами рушились наземь. Туда идти не хотелось. Возвращаться к Совету не хотелось. Хотелось спрятаться, заползти в потайную нору, чтоб никто не тревожил, и от бессилия плакать. Даже Бекки не надо, пусть будет подальше от этой норы. Это нора слез... отчаяния, тупого, серого, рвущего грудь слепым желанием что-то разбить, кого-то наказать, кого-то умолять, чтоб не случилось то, что случилось... Чтоб не он, не Мэлор, вывел этот закон проклятой дисперсии. Чтоб не его вызвали в Совет и не ему рассказал Ринальдо весь этот ужас. Чтоб жить нормально еще шесть лет. Ведь смертельно больным врачи не говорят. Шесть лет. Шесть лет.

Что же можно сделать? Что я могу сделать, что?!

«Координационный центр — дирекции Института физики пространства. Все эксперименты на установке М. Ю. Саранцева немедленно прекратить. Установку законсервировать до специального распоряжения. Быть готовыми к ее отправке на Землю в ближайшее время. Подготовить всю документацию. Астахов».

«Бекки, родная! Со мной все в полном порядке, так что за меня совершенно волноваться не надо. Но тут оказалось, что мне нужно сделать очень нужную и очень срочную работу. Поэтому когда поедем к пингвинам — по совести сказать, не знаю. Постараюсь поскорее. Очень хочу кормить их с рук, как ты показала. Очень люблю тебя, поэтому сделать эту работу должен. Целую. Привет всем нашим. Мэл».

— Проходите. Председатель Комиссии извещен и ждет вас.

Мэлор вошел в уже знакомый кабинет.

Ринальдо действительно ждал, будто и не сходил с того места, где оставил его Мэлор восемь дней назад. Он казался посвежевшим, и только усталая складка у рта время от времени трепетала.

— Добрый день,— сказал Ринальдо.— Чем порадуете?

Мэлор даже не мог заставить себя сесть напротив Ринальдо на свое прежнее место — еще идя к столу, выкрикнул:

— Я знаю, как стабилизировать Солнце!!

Стало тихо. Пальцы Ринальдо медленно стиснули подлокотники.

Сколько этот кабинет слышал подобной тишины.

— Это невозможно,— настороженно проговорил Ринальдо.

Мэлор поспешно выдернул из нагрудного кармана куртки пачку убористо исписанных листков, из толщи которой, плавно развернувшись, свесились едва не до пола воздушно колышащиеся языки рябых от цифр распечаток.

— По-моему, возможно. То есть я уверен. Я готов немедленно обсудить это с вашими экспертами. Во всяком случае, имеется колоссальный шанс. Эффект декваркования нейтрино, обнаруженный нами на Ганимеде... столь трагично... позволит отрезать Солнце от нейтринного фона Галактики. Вот...— он протя-

нул Ринальдо дрожащие листки.— Вы сказали, что ваши астрофизики убедились в необратимости процесса.— Ринальдо смотрел враждебно, недоверчиво; и по мере того как Мэлор говорил, уверенность его таяла.— Они ошиблись... по-моему. Три года назад, после работ Стюарта по нейтрино, они могли бы... Впрочем, это было совершенно вне их компетенции. Одним словом, я с моей техникой... ну, в эн раз увеличенной, усиленной... Суть проста. До работ Стюарта само понятие обломка нейтрино было абсурдом. Стюарт теоретически предсказал возможность их существования, а я их теперь волей-неволей получаю. Декваркованные нейтрино не в состоянии подпитывать ядро. Мы заэкранируем Солнце, снимем излишек энергии и, пока процесс не замрет, будем держать его в нейтринном дефиците.

Ринальдо сидел не шевелясь, словно окаменев, но в его участившемся дыхании отчетливо стали слышны глубинные всхрипы.

— Кто может подтвердить ваши расчеты? — отрывисто спросил он.

— Любой из нашего института. Любой другой специалист по сверхслабым взаимодействиям. Экспериментальное подтверждение есть — взрывы кораблей.

— Хорошо,— медленно произнес Ринальдо.— Это очень хорошо.

Он еще не знал, что предпринять.

Ведущая группа лучших в мире экспертов клялась, что воспрепятствовать процессу не в силах человеческих. Это было шесть лет назад. И год назад она тоже клялась, а в это время существовали работы чистого теоретика Стюарта, о котором я даже не слышал, и если бы этот Стюарт или любой другой из знакомых с его работами нейтринщиков знали об угрозе... Ах, наука, наука. Не стоит на месте. Все резче, все чаще и чаще совершает непредсказуемые скачки. Совершенно в иной области создан метод. Три года назад. Все было зря.

Наверное, это так. Наверное, талантливый мальчик прав, он специалист. Во всяком случае, это действительно колоссальный шанс. Значит, ничего не надо было делать! Просто сообщить вовремя на Ганимед. Всего-то надо было — допустить к информации по Солнцу шестнадцать человек персонала Института физики пространства на Ганимеде. Почему этого не сделали? Кто был тогда председатель Совета, кто составлял списки? Шуман? Преступник! Все зря!

Сотни тысяч жизней...

Теперь строить вокруг Солнца барьер из генераторов, которые все спасли бы, если бы их придумали вовремя, если бы тремя годами раньше узнал о происходящем этот мальчик, или этот Стюарт, или еще кто-нибудь, о ком я не имею представления, и никогда уже не буду иметь, и не смогу зачислить в список допущенных к информации, ибо в список зачисляют уже после сделанного, а не до. Оттого, что на деяние не рассчитывают. Оттого, что никогда не знаешь наперед, что кому нужно сказать, чтобы через десять, через двадцать лет это дало бы науке возможность творить не смерть, а жизнь, и потому надо говорить или все всем, или ничего никому, и выбираешь второе, потому что говорить все всем просто невозможно, физически невозможно, это информационный потоп... Все — всем. Не коттеджи всем, не модные орнитоптеры всем, не одежду всем на любой вкус — информацию. Невозможно.

Поздно.

Мы увязли. Мы увязли!!!

Мальчик. Всего ты не знаешь. И у меня уже нет сил сидеть под твоим обвиняющим взглядом, нет сил сызнова начинать о том, что строившиеся в дикой спешке колоссальные заводы горючего для звездолетов уже отравили Антарктиду отходами. Два из них удалось вынести на Венеру, но один — на Земле, самый первый, здесь проще и быстрее, нам нужно было искать планету по всей Галактике... и вот чаек больше нет, нет пингвинов, нет сверкающих льдов, и океан превращается в тяжело колеблющуюся пустыню. Течения разносят отраву, завод на полном ходу, и бороться нет возможности. Будет ли Терра, не будет ли — мы смертельно ранили Землю сами, и через четыре, хорошо — пять лет здесь нельзя станет жить; даже законсервировав завод, остановить растекание яда можно, разве лишь вылив в океан миллиарды тонн какого-нибудь нейтрализатора, который еще не создан, не придуман даже, для производства которого понадобится целая новая отрасль, и который, скорее всего, истребит жизнь еще вернее. Мы торопились. Нам было не до Земли, которая все равно сгорит. И этого я уже не скажу тебе; я уже не верю, что ты меня простишь. Не я это начал, я сам узнал обо всем только год спустя после на-

чала ада, когда Шуман вызвал меня и сказал: «Выручай. В этой каше нужна твоя интуиция»,— хотя какая это интуиция, просто совесть... Но не простишь ты меня. Меня. Потому что я рядом. Потому что именно я захотел перестать врать.

Мэлор ждал.

Да что же это за издевательство?

Заклинаю тебя, молю, пусть будет взрыв!

Что же делать? Отменять все? Бороться за океан? Строить генераторы, которые утихомирят светило? А если не утихомирят, если снова ошибка — и плюс упущенное время... Проверять? Собрать Совет. Перед ним... нет, перед целой Землей и планетами заявить: мы убили двести тысяч народу, мы отравили невозвратно уже седьмую часть планеты, мы обманывали вас всех несколько лет — по ошибке? Потому что побоялись когда-то сказать правду тем, кто мог нас спасти? Мог и не спасти, да — но мог и спасти? И по халатности погубили свой мир? По недосмотру?

По неграмотности?

По тщеславию?

Все зря... Не нужно было лихорадочное строительство гиперсветовых монстров, горячечное возведение громадных заводов, унизительные генетические освидетельствования, ложь... А все муки последних дней — какая насмешка! Выйти и сказать: мы уж приготовились бросить гореть четыре пятых человечества, четверых из каждых пяти — но недоразумение разъяснилось?

Но не будем расслабляться, засучим-ка, друзья-товарищи, рукава еще повыше и начнем снова спасаться уже не от огня — от воды?

Да кто нас станет слушать? Кто после такого поверит вообще хоть одному слову? И все в момент, когда десятки видов уже вымерли там, в Антарктиде, где даже воздух отравлен? Это общество, пусть не слишком четко, но все же функционирующее сейчас, превратится в обезумевшую толпу, рвущуюся к кораблям!

Что же делать?

Ринальдо лихорадочно перебирал варианты... Вернее, ему казалось, что он перебирает варианты, а на самом деле голова его была звеняще пустой. Вариантов не было и не могло быть; была лишь страшная альтернатива, которой все боятся от сотворения мира: или — или. Он сидел и пытался придумать что-то третье, какой-то боковой выход, обходную лазейку, отлично понимая, что компромисса быть не может, и даже понимая краешком сознания, что выбор, собственно, предопределен.

Невозможно допустить, чтобы такие усилия оказались напрасны.

И еще несколько секунд Ринальдо не мог продавить воздух через гортань. Первое же произнесенное вслух слово сделало бы выбор окончательным, и выбор этот был столь страшен, столь непоправим и необратим — хотя другой был еще страшнее,— что мышцы отказывались повиноваться сознанию.

— Вы просто спасаете мир! — с ненатуральной восторженностью воскликнул Ринальдо, и от пронзительного, невыносимого ощущения собственной подлой фальши его буквально перекосило. Этот искренний мальчик, которого он сам сюда привел и сам поставил зачем-то судьей над собою, жестоким судьей, из горящей капли благородного металла вдруг сделался окном враждебного мира в ту каморку, где омерзительный голый Ринальдо творил непотребство; и за окном этим — господи, за окном глаза, глаза, глаза! Если бы какой-то шторой задернуть его! Если бы можно было выключить Мэлора, как выключают телекамеру, когда заканчивается предназначенная для трансляции программа!

Но человек, пока он жив, есть нескончаемый процесс наблюдения и анализа; задернуть штору можно, лишь залепив яркую и цветную картину мира в его сознании белесой, студневидной мутью искажений. Обманутый уже не может простить и помочь, это так. Но он и не простить не может.

— Враз, конечно, всю систему не переориентируешь,— продолжал Ринальдо, с болезненным любопытством глядя, как надежда гаснет во взгляде Мэлора.— Мы, безусловно, проверим ваши выкладки не раз и не два, я сегодня же свяжусь с экспертами, с астрофизиками на Трансмеркурии. Вы... Сейчас еще просто невозможно по-настоящему оценить совершенный вами научный подвиг, Мэлор Юрьевич!

«Что с вами?» — едва не сорвалось с языка Мэлора, но ни единого слова было не вставить в хвалебный и все-все разъясняющий поток словесной пены.

Мэлор слышал то, что надеялся услышать, идя сюда,— но это было страшно. Умное, измученное лицо Ринальдо, которое преследовало Мэлора понимающим и требующим взглядом и во сне, и за терминалом, вдруг превратилось в тошнотворную маску не то фигляра, не то дебила. Хотелось крикнуть: «Он заболел!», но было не прервать. Мэлор уже плохо слышал, что говорит Ринальдо,— тот нескончаемо говорил о Терре, о том, что работы и по связи, и по экранировке звездного ядра следует доводить именно там, и Мэлору хотелось как можно скорее сказать: «Да, да, я согласен» — и уйти отсюда. Но Ринальдо вил и плел аргументы. Преображение сидевшего напротив человека было невыносимым; казалось, он разлагается заживо. Мэлор не мог уразуметь, что происходит, но, хотя убедительная речь Ринальдо вилась легко и свободно — куда свободнее, чем в прошлый раз, и каждый довод был безупречен, каждый пример красноречив, все это было ненастоящим, и именно поэтому Мэлор был готов ответить «да» на что угодно, лишь бы прекратить обоюдную пытку. Хрупкая ваза вновь ощутилась в его ладонях и грозила вдребезги разбиться от малейшего движения.

— Ринальдо,— все-таки вымолвил он едва слышно, когда человек, сидевший напротив, сделал паузу, чтобы выпить несколько глотков грейпфрутового сока из стоявшей перед ним пузатой уютной чашки,— что с вами?

Ринальдо, хотел он сказать, то, с чем вам пришлось столкнуться,— ужасно, и мне страшно за вас так же, как за себя, и жаль вас, как себя, и я преклоняюсь перед вами за ваше мужество, хотя я и не сразу понял вас; но если вы теперь не понимаете меня, это на руку только тем, о ком вы говорили с такой ненавистью: тем, кто до сих пор стреляет из пулеметов на глайдерных трассах, тем, кто до сих пор травит людей наркотиками, тем, кто стал бы драться за корабли, а не строить их... Но не успел. Ничто не сдвинулось и не приоткрылось в маске то ли фигляра, то ли дебила; измученный добрый волшебник, потерявший свою волшебную палочку, по которому Мэлор так скучал всю эту неделю и которого так мечтал обрадовать, вернув ему его пропажу, не возвращался. Кукла напротив, спеша, вновь открыла рот.

— Поймите меня правильно, Мэлор Юрьевич. Подвергать риску Солнце, когда эвакуация практически еще даже не началась, мы не вправе. Это безответственно. Трудно рассчитывать, что вмешательство в процессы, идущие в ядре, с первого раза будет удачным. Сейчас у нас есть хоть эти шесть лет, а если вы что-то напутаете, может даже их не оказаться в запасе. Поэтому наиболее разумным мне представляется, повторяю, проведение всей подготовительной работы на искусственном спутнике Терры. Там же вы сможете набрать экспериментальный материал, чтобы, вернувшись, действовать уже безошибочно и наверняка. Когда у нас на руках будут, что называется, все козыри — тогда я смогу выступить перед Советом с тем, чтобы мгновенно повернуть всю политику. В этих условиях мне будет легче выступить и перед Землей — ведь у нас с вами, дорогой Мэлор Юрьевич, будет что сказать людям конкретно. Не прекраснодушные абстракции, а наработанный дельный материал. Мы не только напугаем, но сразу и укажем выход из кризиса. Согласитесь, это наиболее гуманно и порядочно. А до той поры о наших с вами консультациях лучше никому не знать. Я отправлю вас на Терру ближайшим рейсом со всей аппаратурой и всеми материалами, которые вы мне укажете. И в сопровождении своего секретаря, которому я доверяю абсолютно — и вам советую. Первоочередной задачей вашей тем не менее остается связь. Ну, как вы сами сказали, это дело недель. От дирекции вашего института мы пока все это скроем. Сообщим, если вы не против, что вы просто в длительной и срочной командировке. Вы не против? Я очень рассчитываю на вашу порядочность и ваше чувство ответственности. Вас просто, что называется, господь нам послал в последнюю минуту...

Возразить было нечего. Не к чему было придраться. Но лучше бы человек напротив продолжал бросать сдавленные, мучительные слова о бедах, чем извергать этот неуязвимый, безукоризненно жизнеутверждающий, без сучка и задоринки бред. «А Бекки?!» — в ужасе подумал Мэлор и опять не смог сказать ни слова; невозможно было назвать при хрупкой кукле имя той хрупкой настоящей, маленькой и нежной, которую все эти дни, на два-три часа в сутки отлепляясь от вычислений, он нескончаемо целовал, и любил, и стонал во сне.

— Хорошо! — выкрикнул Мэлор.— Хорошо! Но... вы... я ведь всерьез...

— О чем разговор! — с добродушным возмущением развел руками Ринальдо. О чем угодно. Но только не об Антарктиде, не об океанах. Широкий эска-

латор понес Мэлора вниз, позади могучим и чутким изваянием тяжелел Чжуэр; орнитоптер со значком Совета уже приготовлен был у входа, и на правительственном космодроме гравигенный катер спецназначения уже дожидался двух пассажиров; но об океанах Мэлору так и не сказали.

Искусственным спутником Терры именовался один из серийных грузопассажирских лайнеров, который не пошел после разгрузки в порожний прогон обратно к Земле, а был выведен на стационарную орбиту вокруг планеты назначения. На первом этапе колонизации, когда даже минимальное благоустройство внизу было еще делом относительно отдаленным, этот звездолет, в просторечии называемый Переходняком, служил базой Террианского координационного центра — зародыша как будущего Совета Терры, так и ее будущих исполнительных инстанций; здесь же был сконцентрирован неприкосновенный запас техники и продовольствия на случай каких-либо осложнений в том или ином очаге колонизации.

Звездолеты прилетали и улетали каждый день. В сущности, выполнялся план Чанаргвана — челночная переброска начального запаса техники «набитыми до хруста» кораблями, с той лишь разницей, что теперь они не взрывались на старте; исчезновение первых трех так и осталось для Земли трагической загадкой. Мэлор, избравший для своей лаборатории помещение бывшей навигационной рубки, ежедневно наблюдал оранжевые вспышки в недалекой старт-финиш-зоне, откуда, вскоре после каждого финиша, начинали тянуться к планете и реже к Переходняку длинные вереницы даже без увеличения наблюдаемых пассажирских и грузовых планетолетов. Работа Мэлора обеспечивалась с размахом; весь ремонтный завод звездолета был переориентирован на безотлагательное выполнение его заказов, и навигационный компьютер почти опустевшего космического города находился целиком в его распоряжении. Штат помощников зато был невелик: два оператора, технолог да Чжуэр, выполнявший роль посредника между Мэлором и Коорцентром и немного иронично, но гордо, с каким-то необъяснимым оттенком ностальгии называвший себя офицером связи. Впрочем, малочисленность персонала отнюдь не угнетала Мэлора и даже была ему на руку. В еженедельных сводках для Ринальдо Чжуэр однообразно сообщал, что М. Ю. Саранцев работает ровно, увлеченно, хотя и несколько механически; частенько засиживается за компьютером ночами, занимаясь теоретическими проблемами и разработками по регулировке ядра; от сближения с кем-либо уклоняется, хотя не угрюм, скорее просто рассеян, замкнут на деятельность собственного мозга. Копии с материалов Мэлора, аккуратно передаваемых им Чжуэру, прикладывались к сводкам и отсылались на Землю тоже. Предполагалось, что таким же образом через две-три недели уйдет и разработанная технология аппарата связи, который затем будет быстро построен посредством копирования здешнего экспериментального образца, после чего Ринальдо и Мэлор смогут вновь побеседовать непосредственно и обсудить планы на будущее.

Мэлор не возлагал на этот разговор никаких надежд. Более того, он никоим образом не хотел этого разговора. Он не поверил бы теперь ни единому слову Ринальдо, а ответно лгать ему в глаза или поддакивать с деланным сочувствием в ответ на его фарисейство было свыше сил Мэлора.

Было ясно, было очевидно, что Ринальдо обманул его подло и малодушно; Мэлор не мог теперь подобрать никаких объяснений действиям Ринальдо относительно него, Мэлора, кроме отчаянного нежелания круто изменить политику с эвакуации части на спасение всех. Дурман повиновения из сострадания рассеялся.

Ринальдо был теперь прозрачен для Мэлора: щуплый перепуганный тиран, бросающий в термоядерную топку сорок миллиардов человек ради того лишь, чтобы скрыть свою безграмотность, замести следы и продлить мертвое вращение маховиков и шестерней изжившей себя власти. В голове не укладывался этот ужас.

О чем тут можно будет говорить? Отвечать на такое нужно не словами.

Сегодня — день ответа.

Должно получиться.

Откуда же берутся такие люди до сих пор, в тысячный раз, с болью и ненавистью, думал Мэлор, идя в свою рубку. Серебристые мягкие ступени — на вид зеркальный металл, на ощупь текинский ковер — винтом возносили его выше и выше, к тому мигу и той точке пространства, где он сможет наконец

отомстить и поставить все на свои места. Власть развращает, растлевает, думал он, идя по безлюдному коридору, залитому веселым, как бы солнечным светом, власть, власть. Что она такое? Неужели только ради утехи больного самолюбия, не имея никакой иной корысти, можно пойти на преступление? Невозможно поверить, и не верить — нельзя; преступление совершилось у меня на глазах, и я даже не сразу это понял, потому что это невероятно, немыслимо. Он же просто от меня избавился. Вышвырнул. Сослал, чтобы я не шумел. Ненавижу, ненавижу! И как ловко эти мерзавцы пользуются тем, что у нас совесть есть, а у них — нет. А я еще берег его, боялся слово резкое сказать, сострадал... Вспоминая свое сочувствие, загипнотизировавшее его во время последнего разговора, Мэлор готов был выть от унижения.

Да неужели всякая необходимость напрячь силы общества сверх обычного из-за таких вот Ринальдо будет до скончания века приводить не только к героизму, но и к фашизму? Но тогда этот палач в чем-то прав: скажи правду, и скачущими пузырями вынырнут из беспросветно-коричневой жижи времен шарнирно-шустрые, как марионетки, штурмовые отряды с негаданными шмайссерами образца XXII века; и лица тех, кто, надрываясь, строит корабли и сам готов без понуждения забыть себя ради ближних, плотно лягут в перекрестия лазерных прицелов для того, чтобы способность к любви и самопожертвованию обрела единственный, беспросветно-коричневый адрес. Ах, вы живете ради людей? Так живите ради тех людей, которых мы вам укажем. А кто вздумает выбирать сам — пуля. Сколько их будет, мерзавцев? Пять процентов? Пятнадцать? Пятьдесят? Уже не знаю. Уже не уверен, что пять. Нет, нельзя искушать перенапряжением; для таких, как этот Ринальдо, перенапряжение — золотое времечко. Но что же делать, если без перенапряжения не спастись?

Хватит, хватит, я все исправлю, думал Мэлор, опуская дрожащие, ледяные руки на кристаллические сенсоры пульта, наконец-то их безграмотность я обращу против них, на пользу нам... Тяжело, страшно — но что же делать? Кто, если не я? Землю-то, людей-то надо спасать! И щурят, и ветлу над Лбовкой... и те сотни километров китайской стены, которые не предназначены для эвакуации... Во что бы то ни стало.

Сложные соцветия индикаторов экранировки и сигнализации расцвели на панелях; в открывшемся, казалось, прямо в искрящуюся звездную бездну панорамном экране было видно, как гиперболическая громада смонтированного в пространстве генератора поплыла, ориентируясь — блики звезд текли по ее полированным бочкообразным бокам,— и уставилась семисотметровым раструбом на солнце Терры. Мэлора била нервная дрожь, и мимоходом он пожалел, что не прихватил свитер; он начинал революцию один, без прикидок и проверок, он никому не мог доверять из тех, что были вокруг; и неудачи не должно было быть, победа нужна была с первой попытки. Изнутри на двери рубки беззвучно и массивно наползли тускло отблескивающие листы непробиваемых штор, четко вошли в пазы, и с мягким, но раскатистым в хрустальной тишине зала щелчком захлопнулась блокировка.

Запел зуммер. Мэлор дал контакт, и голос Чжуэра встревоженно сказал из селектора:

— Мэлор Юрьевич. Куда такая утечка энергии? Сегодня эксперимент не оговаривался и в утвержденном плане не значится, по-моему.

Вот я и начинаю врать. Но что делать-то? Вести себя подло с подлецами — долг честного человека, подумал Мэлор в тысячный раз. И все равно ему было душно и тошно, и в глубине души он не был уверен в правоте этой истины — от нее тоже припахивало пьяным перегаром какого-то захолустного штурмбанфюрера, перебравшего шнапсу оттого, что его обошли по службе.

Счастье, подумал Мэлор, что не видно лица.

— Вы ошиблись,— сказал он.— Это из другой сферы. По линии работы со звездой, а не по связи,— он старался говорить совсем ровно, чтобы не выдать бешеного волнения.— Помните, в самом начале планировался параллельный проект «Регулировщик»?

— Да, помню,— сказал Чжуэр после паузы.— Ринальдо говорил.

Будь проклят ваш Ринальдо, думал Мэлор, распаляя себя. И ведь я было раскусил его, когда узнал о медкомиссиях; а он, почувствовав, начал вываливать ужас за ужасом, так что я жалеть его начал, гада...

— Но сроки не были утверждены,— закончил Чжуэр.

— Считайте, что я потихоньку начал,— отрезал Мэлор.

РИНАЛЬДО

— Ринальдо,— напевно и тихо сказала Чари.

Точными, чуть угловатыми движениями подростка она поставила на столик два бокала, полных ароматного сока, и, не присаживаясь, отошла к окну. Остановилась к Ринальдо спиной; разрозненные ленточки ее короткого платья, разлохмаченные и развеянные движением, улеглись, и длинные полосы прозрачного шарфа, далеко отставшего, пока Чари шла, невесомыми извивами протекли по воздуху ей вдогон и не спеша опали. Этот шарф, который Чари так любила в память их первой встречи, молча выжигал душу Ринальдо, он казался рябым от цифр — так напоминало его нервное и таинственное колыхание распечатки Мэлора, развернувшиеся из его бумаг в тот последний день. Светлая тоненькая фигурка замерла на фоне распахнутого в небо слепящего окна.

— Вы похожи на Санта-Клауса,— не оборачиваясь, сказала Чари.— Вы такой хороший... Знаете, я могу отвернуться или зажмуриться и все равно всегда знаю, где вы. Всей кожей чувствую. Потому что от вас идет тепло. И взгляд у вас, как горячая добрая рука. Я всегда чувствую, куда вы смотрите. Сейчас вот сюда,— она заломила за спину тонкую сильную руку, мизинцем провела по своей шее, по смешным позвонкам, обтянутым гладкой загорелой кожей. И негромко, счастливо засмеялась вдруг.— А сейчас — вот сюда,— и, опустив руку, положила ладонь на нежное, смуглое бедро там, где обрывался спутанный ворох платья.

Ринальдо смотрел на шарф, свисавший вдоль бедра. Шарф казался рябым.

— Вы просто телепатка, Чари,— сказал Ринальдо сквозь ком в горле.

— Нет. Просто вы очень хороший.

— Чари, вы меня этими словами просто убиваете. Я чувствую себя каким-то обманщиком. Вы же ничего не знаете про меня.

— Знать... Что мне за дело, какие поступки вы совершали? Какие слова говорили кому-то? Мне важно, какой вы. А я это чувствую. Скажите, Ринальдо,— произнесла она глухо от скрытого волнения,— если бы... молодая красивая девушка в вас влюбилась, как сумасшедшая... вы были бы рады?

— Чари, мне...— он не сразу собрался с силами для ответа.— Мне прежде всего было бы очень совестно. Вы ведь сами сказали: молодая и красивая. Значит, она не в меня влюбилась, а в того, кого выдумала, потому что с какой стати ей такой влюбляться в меня? А я как бы использую ее грезу, чтобы потешить замшелое мужское самолюбие... Нет, я не смог бы радоваться.

Она помедлила; она тоже не сразу смогла продолжить.

— И вам это даже не помогло бы в работе? — горестно пробормотала она.

Против воли Ринальдо чуть улыбнулся.

— Чари, вы ужасно похожи на мальчишку. И статью, и характером.

Она рывком повернулась. Шарф, прилипнув к воздуху на миг, замкнулся вокруг нее прозрачно-синей двойной спиралью, а потом стал медленно, невесомо разматываться. С пунцового лица на Ринальдо смотрели громадные пламенные глаза.

— Я девочка,— страстно выдохнула она так, словно открывала ему самую страшную и самую пленительную свою тайну.

Однажды она пришла к Ринальдо прямо в Совет — в строгом темном платье до полу, преображенная и странно повзрослевшая то ли на несколько лет, то ли на близость с любимым. Она сказала, что ее зовут Ревекка Иде, и Ринальдо не сразу вспомнил, откуда ему известно это имя.

— Вызов подписан был вами,— мертвенно говорила она, так напоминавшая Чари, хотя совсем не была на нее похожа; а он тем временем листал в памяти личное дело Мэлора.— Прошло уже два месяца. Я нигде ничего не могу узнать. Я обращалась в информационный центр, но там вообще нет данных на Мэлора Саранцева. Скажите хотя бы — он... жив?

— Вы его жена?

— Я его жена.

— Не беспокойтесь ни о чем. Ваш муж жив, конечно, и плодотворно работает. Вы еще будете гордиться им...

— Я им давно горжусь. Я хочу гордиться им с ним рядом.

— Пройдет еще несколько месяцев, а может быть, даже недель, и вы встретитесь. Обещаю.

— Но что все это значит? Я никогда не подозревала...

И Ринальдо, вспомнив, что на Терру эту женщину не пропустили и что он, вдвое старше ее, давно отлюбивший, виновный, сгорит с нею в один и тот же миг,— содрогаясь от отвращения к себе, снова начал безукоризненно лгать.

С того дня он скрывался от Чари. Ему было приятно слушать ее, видеть ее, ощущать рядом стройную страстную молодость — поэтому он не имел на все это права. Ссылался на занятость, когда она звонила, говорил скупо и отчужденно. Прятался. Выдуманная юная влюбленность, как и следовало ожидать, не протянула и десяти дней; Чари пропала. Ринальдо знал: уже на кого-то другого, притягивая, смотрят ее глаза, чьей-то другой руки ждет ее чуткая кожа; он был этому горько рад.

Заработает связь, думал он.

Не объясняя цели, он уже поручил специалистам меркурианского астрофизического центра просчитать якобы чисто теоретическую задачу: количество энергии, необходимое для разрушения в околосолнечном пространстве нейтринного фона с учетом концепции Стюарта — Саранцева. Робко, как бы изпод полы он перенацелил сразу несколько лабораторий экологической службы с практической задачи ограничения нарастающего заражения регионом Южного тропика на поиск возможностей в обозримом будущем погасить это заражение полностью; и профессора, имеющие допуски к сверхзакрытой информации, но ничего уже не понимающие в скачках намерений и планов правительства, привычно и мужественно выражали неуверенность в существовании таких возможностей. Ринальдо и сам не знал, зачем отрывает до предела занятых, надрывающихся людей от конкретного дела ради мечты, существование которой даже боялся планировать всерьез. Иногда в нем вдруг просыпалась немощная, необъяснимая надежда, и он суетился, посылал рекомендации и указания, проводил консультации... Не объясняя. Как бы ни для чего. Но в глубине души он твердо и безнадежно знал, что все это действительно ни для чего, и по ночам, оттесняя маленькую горячую Чари в мрак, над ним нависало и медленно падало докрасна раскаленное слово «поздно»; и он кричал. И, просыпаясь, думал: заработает связь. Тогда я позову его. Мы сядем друг напротив друга и еще раз спокойно все обсудим. Еще раз. Обсудим спокойно. И будем друг другу доверять во всем. И все исправим. И его будет любить его жена. И я смогу смотреть людям в глаза. Он ждал, но, как заведенный, непреклонно и точно выполнял свой долг: корабли уходили уже дважды в сутки, начальный запас техники был уже перечелночен на Терру, и оттуда с обратными рейсами сообщали о нормализации положения колонистов; Совет ежедневно получал скрупулезные и точные сводки, которые Ринальдо полностью составлял сам; растекание отходов в Южном полушарии было приостановлено, и многократное просчитывание на моделях давало надежду, что по крайней мере в течение двух с половиной месяцев границы зоны заражения не будут расширяться; председатель Совета Ромул Нгоро, поздравляя экологов с этой почти невероятной победой, посетил их плавбазу в море Уэддела и на пресс-конференции ни с того ни с сего решился заявить, будто очаг распространения военных ОВ удалось локализовать наконец,— а Ринальдо, услышав это, начал прикидывать, как месяца через два объяснить неизбежный прорыв заграждения: придумать какое-нибудь полуторавековой давности глубоководное захоронение радиоактивных отходов, растревоженное предыдущей катастрофой? Он делал это и многое другое, но как во сне. И по утрам, усталый и обессиленный после нескольких часов маетной дремоты, он просыпался в ужасе от наваливающегося дня, тяжко наполненного ненастоящим; пока суета очень нужного и очень срочного ненастоящего не захватывала его с головы до ног, и не отвлекали от беспросветной утренней тоски частные успехи — корабль загрузили на три часа раньше планового времени; силы безопасности накрыли фабрику наркотиков в высокогорной пещере на территории Таиланда; заводам на Венере удалось поднять выпуск рабочего вещества почти на два процента (значит, можно либо отправлять к Терре один дополнительный корабль в тридцать семь дней, либо почти на два процента снизить убийственный выпуск рабочего вещества в Антарктиде, и надлежало срочно и безошибочно выбрать, что предпочесть),— пока он не тонул во всем этом, ему хотелось биться об стену головой. Он шел к стоянке орнитоптеров, летел в Совет, вокруг были по-доброму возбужденные успехами сильные люди, и Ринальдо, пряча глаза, шептал: заработает связь.

Родные, замечательные, ну подождите еще месяц. Я попрошу его вернуться, мы сядем друг напротив друга и все спокойно обсудим. Совсем все, клянусь вам. Совсем все.

ЧАРИ

— Ой, да брось ты дурить,— проговорил Аскольд почти ласково, но с каким-то ленивым пренебрежением.— Ты же сама хотела.

Чари сердито поправила платье.

— Сама хотела, сама и расхотела,— ответила она.— Шагай, шагай, бычок.

Аскольд презрительно фыркнул и двинулся было вновь ее обнять — нефритовая буддийская свастика с внутренним подсветом тяжело мотнулась на серебряной цепочке по его обнаженной груди. Чари отпрянула и, продолжая пятиться, поднялась на ступеньку крыльца.

Ступенька скрипнула.

— Хоть бы каменюку снял сначала,— сказала Чари, успокаиваясь.

Аскольд ласково погладил холодный дымчатый нефрит.

— В ней — вся сила,— добродушно ответил он.

— Ну вот иди своей силой гвозди заколачивай, а до живых девушек не суйся.

— По-моему,— убежденно сказал Аскольд,— ты сумасшедшая.

Она помолчала, соображая, и вдруг виновато согласилась:

— Наверное. Я даже не знала... то есть я знала, только не думала, что это так навсегда. Самой удивительно. Совсем весь мир изменился. Ты правда, Аскольдик, пожалуйста, иди уже. Ничего тебе тут не обломится. А мне ничего там не обломится. И ничего не поделаешь.

Он несколько секунд завистливо и восхищенно вглядывался ей в лицо, а потом засвистел нечто модное, повернулся с видом «не больно-то и хотелось» и вразвалочку пошел прочь по лесной тропинке. Его широкая загорелая спина в свете сентябрьского заката светилась чистой медью, но скоро пропала в золотом месиве листвы и бликов. Чари долго стояла на ступеньке, водя пальцами по бревенчатой стене и кончиком языка проверяя губы, и собиралась с духом — сердце колотилось так, что уши глохли. Потом напоследок втянула носом пахнущий сухими листьями воздух и вошла внутрь. Комната матери утопала в осенних цветах.

— Мам,— сказала Чари небрежно,— позови Ринальдо в гости. Он ведь очень по тебе скучает, я знаю.

Айрис окаменела в плетеном кресле у окошка — и книга, которую она только что спокойно читала, казалось, тоже окаменела и потеряла текст. Сколько веснушек у нее на плечах, подумала Чари. Интересно, когда он ее обнимал, их было намного меньше?

— Ну что ты так смотришь, мама? — тихо спросила она.

МЭЛОР

Чжуэр был раздражен и зол.

— Мэлор Юрьевич,— отрывисто сказал он, когда на пульте селектора зажегся знак контакта,— ваш эксперимент идет уже пять часов. Я поднял всю документацию, переговорил с технологами — такого мы не планировали и даже не обсуждали. Лаборатория перерасходовала энергию на две недели вперед. Почему вы заперлись? Я настоятельно прошу вас объяснить происходящее.

— Хорошо, что вы позвонили,— раздался жесткий, заледеневший голос Мэлора, и Чжуэр невольно подобрался.— Я как раз хотел. Эксперимент идет уже пять часов, и через сорок две минуты, если не ошибаюсь, стартует очередной порожняк на Землю.

— Да, действительно.

— Потребуйте отмены старта. Дело в том, что на старте корабль взорвется. Пространство перенасыщено декваркованными нейтрино. Я блокирую на Терре все находящиеся здесь корабли и все корабли, которые будут прибывать. Только, Чжуэр, не вздумайте, например, пытаться отрезать меня от энер-

гии. Посмотрите на счетчики. Перерасход относится к первым полутора часам, а сейчас я почти ничего не беру от реактора, потому что присосался непосредственно к звезде.

Чжуэр оправил ремни комбинезона. Он даже не стал переходить к пультам контроля.

— Я ничего не понимаю,— сдержанно сказал он.

— Это хорошо,— ответил голос Мэлора.— Это значит, что вы будете слушать внимательно. Я, видите ли, нашел способ стабилизировать земное солнце, доложил об этом вашему Казуазу, но тот, боясь уж не знаю чего — очевидно, что я спасу Землю, и тогда вся его грязная история всплывет,— отправил меня с глаз долой. Но он не учел одного. Надпространственные каналы и есть надпространственные каналы, и то, что до Солнца отсюда шестьсот с лишним парсеков, не играет никакой роли. Аппарат связи, который мы смонтировали, вполне пригоден для того, чтобы отсюда взять Солнце в энергетический кокон. Расстояние требует только некоторого увеличения энерговооруженности, но эту проблему я решил. Я уже сказал, что качаю прямо из ядра звезды. Звездой пришлось пожертвовать, и через месяц с небольшим — уточненные данные я вам, разумеется, сообщу — она коллапсирует. Но к тому времени у нас скопится достаточно арестованных кораблей, чтобы, вырвав у них все лишние потроха, вывалив грузы, эвакуировать колонию обратно на Землю. Ведь ни машины, ни продовольствие везти не понадобится — они домой полетят... домой. Где все уже хорошо.

Он запнулся. Мысль, холодно всплеснувшаяся где-то поодаль от произносимых слов, не была новой — он гнал ее, но она все равно стояла позади, словно хмурое, напоенное осенним дождем дерево. Он не был уверен, что кораблей хватит.

Это легче легкого было проверить, без всякого компьютера, в уме — но он запретил себе даже пытаться просчитать, потому что действовать нужно было вне зависимости от того, останутся на Терре люди к моменту коллапса или нет. Если бы Мэлор точно вычислил, что два или, скажем, пять миллионов не удастся втиснуть обратно в до предела облегченные звездолеты, это добавило бы ему мучений, но не остановило бы. Потому что он спасал всю Землю, всю Солнечную систему. Ради этого стоило жертвовать — какими-то долями процента, не больше. Тревога совести была бессмысленна, она выгрызала душу, но пойти у нее на поводу — значило отдаться на волю Ринальдо, который убьет четыре пятых.

Одно Мэлор знал твердо, как если бы это был упрятанный в трепещущих листьях неуверенности крепкий ствол стоящего позади дерева. Убийцей он жить не сможет. Если на Терре останется хоть один человек — он, Мэлор, спустится с орбиты вниз и черную смерть замученной ради жизни Солнца солнцеподобной звезды встретит рядом с тем одним, или двумя, или двумя миллионами, которых убил, спасая.

И совсем уже некогда было ему размышлять о том, что, коль скоро ни о чем не подозревающих людей приходится за глаза делить на спасаемых и обреченных, значит, в расчеты все же вкралась ошибка. Ее не выявить аналитическим разбором тактики, потому что она — не деловой просчет, но мстительная погрешность против неких истин, которые всегда кажутся слишком общими и вечными для того, чтобы быть применимыми; и не рассудок, а только совесть ощущает противоестественность самой стратегической посылки: один человек молча выкраивает из всех остальных процент потерь. Только совесть, ничего толком не понимая, шепчет: «Обман!» — пока мозг строит ей наперекор безукоризненные, далеко идущие планы. Но в тот самый момент, когда уже мерещится, будто самое трудное позади, и жертвы были не напрасны, и уже не придется больше брать себя и других за глотку ради будущего счастья, эти планы с каким-то мистическим, вековым постоянством, и вместе с тем всегда неожиданно, вдруг выворачиваются наизнанку и, как в шторм лопнувший парус, свирепо хлещут обрывками и своего создателя, и всех, им спасенных.

Мэлор никогда не думал об этом, и тем более теперь ему некогда было забираться в эти дебри, но темные листья сомнений трепетали и роняли обжигающие капли, а Мэлор содрогался, превозмогал, старался не раскиснуть и был уверен, что это — мужество.

— Только имейте в виду,— жестко сказал он,— процесс уже пошел. Если вы, скажем, ухитритесь меня взорвать или срочно протаранить генератор в

пространстве — все зря, потому что баланс звезды нарушен. В ближайшем будущем она так или иначе либо коллапсирует, либо взорвется. Терра обречена. Я не блефую, Чжуэр. В моей каюте, в левом верхнем ящике стола, вся математика. Покажите экспертам.

Посеревшие губы Чжуэра беззвучно шевелились. Мэлор умолк ненадолго, а потом закричал так, что динамик селектора захрипел от перегрузки, глухо и раскатисто взрываясь от хлопков воздуха о микрофон:

— Я не дам вам спалить Землю! Покуражились, безмозглые, хватит!!

Чжуэр непроизвольно встряхнулся, будто пытаясь проснуться.

Но проснуться не удалось. Мир совершил головокружительный оборот. В экспериментальном зале, залитом холодными огнями светильников, с резко отблескивающими гранями пультов, пребывала власть. Дурацкая сталь на двери мешала прийти, дать ей кофе или сок и укрыть ноги пледом.

— Я понимаю,— проговорил Чжуэр медленно.

— Очень рад,— сказал динамик с веселой злостью.— Тогда постарайтесь мне больше не мешать. Я заблокировался в зале и выйду отсюда, только когда смогу окончательно убедиться, что все мои распоряжения выполняются. Помните, Чжуэр, я вам не доверяю! Всем! — он перевел дух и просто закончил: — Но Землю я спасу.

— Мэлор Юрьевич,— от волнения хрипловатым голосом произнес Чжуэр,— а как у вас с едой?

— Черт,— сказал Мэлор после долгой паузы,— как вы точно бьете. Видна школа. Я сам не так давно сообразил, что даже термоса с кофе прихватить не вспомнил. В голове одни формулы.

— Мэлор Юрьевич,— голос Чжуэра дрогнул.— Я клятвенно обещаю вам, что мы не сделаем ни одной попытки насильственно прекратить ваше предприятие. Вы убедили меня. Клятвенно обещаю. Разблокируйте зал, не мучайте себя. Будем работать. Вы же понимаете, что переиграли Ринальдо.

Как только язык повернулся сказать такое. Пять лет вместе, пять лет... как верный пес...

Но язык повернулся.

— Каким-то малохольным языком вы заговорили, Чжуэр,— насмешливо сказал голос Мэлора.— Да какие тут могут быть клятвы, когда речь идет о таком деле. Верю, не верю... на ромашках гадать. Я обязан исходить из худшего. Поэтому делайте, что вам говорят.

И это все решило. Если бы дверь открылась, Чжуэр без колебаний низложил бы незадачливую власть и старался бы потом не вспоминать о своей минутной слабости, ибо настоящая власть, в глубине души он знал это точно, как бы ей по-человечески ни приходилось плохо, должна зависеть лишь от себя.

Но дверь не открылась.

— Поторопитесь с кораблем,— приказал динамик.— Если он погибнет, это будет на вашей совести.

— Есть,— ответил Чжуэр.

Я ненавижу вас, Ринальдо, думал Мэлор, зябко ежась у громадного, залитого трепещущими радугами индикаторов пульта. Засунул под мышки холодные влажные ладони. Будьте вы прокляты. Из-за вас я стал лгуном, теперь — насильником; завтра, возможно,— убийцей. И вы ни малейшего выхода не оставили мне. Потому что справиться с подонками, что там ни говори, можно только их оружием. Ведь подействовало, подействовало! Не то что мои слова там, в кабинете... На насилие приходится отвечать насилием, потому что больше на него ответить нечем. А смолчать, стерпеть — нет права, если ты не подонок.

Погибну я или нет, но все откроется, и Ринальдо будут судить. Судить. Если только он не окажется сумасшедшим.

Хорошо, если бы он оказался сумасшедшим...

Как еще объяснить, что он просто не пожелал спасти Землю от взрыва Солнца?

Если я погибну, Бекки с кем-нибудь другим будет кормить пингвинов с рук...

Вот как надо делать дела, с хищным восхищением думал Чжуэр, быстро и энергично шагая к транспортному узлу. Парень сработал ювелирно. Ударное применение монополии на информацию, доходчивая сильная угроза и четкое распоряжение. Шантаж и диктат. Я давно подозревал, что это эффективнее всего. Теперь поработаем. Жаль, моему старику так и не хватило смелости.

Глава III. РЕЗУЛЬТАТ

РИНАЛЬДО

— Получено радио с Меркурия на ваше имя.

— Читайте, голубчик,— устало сказал Ринальдо, с трудом скрывая необъяснимую, но непреоборимую неприязнь. Он так и не смог привыкнуть к новому секретарю.

— Зашифровано вашим шифром,— сказал Варош.

— Хорошо. Давайте.

Он поставил на стол опустевшую чашку, на дне которой вздрагивали лоснящиеся крупные капли. Он только что ознакомился с сообщением экологов: динамическое ограждение прорвано северо-восточнее Огненной Земли — под угрозой Галапагосы и чилийское побережье. Он только что ознакомился с ответом астрофизиков. Чисто теоретическая задача отсечения Солнца от нейтринного фона была решена, и решение оказалось фатальным: нужна энергия, равная полной энергии звезды по меньшей мере класса Солнца; такую энергию в Солнечной системе просто неоткуда взять, в ней лишь одна звезда, само Солнце. На плане Мэлора можно ставить крест.

Хорошо. Мы вывезем десять миллиардов. Пусть даже двенадцать. Пусть даже — кровь из носу — двенадцать с половиной. Но что будет с их душами там, когда они узнают все? Легче всего отмахнуться: это их проблемы, нам бы разобраться со своими, с тем, что навалилось сейчас, а уж души, понимаете ли,— пусть спасибо скажут, что живы остались и не киснут, вот и все. Но... Если у них снова возникнет какая-то трудность, которая потребует общих усилий?

Доделывать, переделывать, начинать сначала нам придется еще не раз...

Но когда мы решаем, будто переделывать уже не придется и то, что делается сейчас, совершенно правильно на все времена, нужно лишь делать скорее и лучше,— тогда мы предпочитаем исключительно веру. Так быстрее, легче, необременительнее. Кажется, что это в интересах всех — не дать делу утонуть в досужих спорах; споры же в такие времена всегда почему-то называют досужими, наверное, из страха не убедить оппонентов в своей правоте. Так вдобавок и людям здоровее: общая вера упрощает и соединяет, а личные раздумья — усложняют и разъединяют, и нужно на порядок больше доброты, терпимости, понимания, чтобы сохранить способность к общению; куда проще дать отстричь себе две трети человеческого мозга и этим застраховаться от угрозы человеческого одиночества. Но когда приходит неизбежное время начинать сначала и переделывать, тот, кто раньше просто верил, теперь так же просто не верит — и он уж пальцем о палец не ударит. И уже сам спровоцирует следующий шаг в ад — нарастание принуждения. На которое так сетует потом. И вместо того чтобы следить за точным соблюдением наилучшей меры, следить сообща, одни все силы отдают тому, чтобы заставлять, а другие — тому, чтобы уклоняться. А когда мера оказывается пройденной и начинается сопротивление и распад всей социальной структуры, заставляющие принимают это за сопротивление и саботаж уклоняющихся. И по привычке отвечают механическим, бездумным усилением давления. И так вместе влетают в следующий кризис.

Что же будет с ними там, на Терре? Кто и как сумеет их объединить?

Надо верить, верить... надо верить, любить беззаветно, видеть солнце порой предрассветной...

Солнце.

Он вспомнил о полученной депеше. Что там еще о Солнце?

«В течение последней недели наблюдалось замирание процесса, совершенно необъяснимое в рамках всех существующих теорий. Мы не сообщали об этом, сомневаясь в точности замеров, но вчерашние и сегодняшние данные в корне меняют всю картину. Мы не беремся пока ничего интерпретировать, хотя между собой, разумеется, пытались это делать, и не можем строить какие-либо прогнозы, но на данный момент процесс прекратился. Солнце совершенно стабильно. Мы отнюдь не уверены, что это — навсегда, поскольку после происшедшего мы вообще ни в чем не можем быть уверены, но на данный момент угрозы нет никакой. Волчек, Кабурая, Армстронг».

Это была последняя шифрограмма в жизни Ринальдо. Он перечитывал ее раз за разом, пытаясь понять умом, а сердце все поняло сразу и догадалось,

что больше ему незачем биться; свет гас неудержимо, воздух стал твердым и холодной стеной стоял напротив, поодаль. Потом мир отвалился от Ринальдо, как шелуха.

Чари оторвала губы от его руки, мертво лежавшей поверх простыни — серой и чуть влажной руки, поросшей мелким серым волосом. Веки Ринальдо затрепетали и замерли вновь, туго обтянув глазные яблоки. На виске медленно колыхалась жила, высоко горбясь над кожей. И Чари вновь припала к руке; один из бесчисленных проводов, шедших к Ринальдо, зацепился за ее локоть — врач молча отвел провод в сторону. Ринальдо лежал, как в паутине, паутина мерно гудела, что-то булькало, и переливалось, и щелкало, и едва слышно шелестело, но он умирал.

Не умирай, думала Чари, исступленно втискиваясь широко открытым ртом в холодную дряблую кожу. Я никуда больше не уйду! Я поняла: о тебе надо заботиться. Я перекрашу волосы, честное слово, сделаю в точности как у мамы, ты представь только: скандинавская блондинка, но смуглая, с персидскими глазами; все будут оборачиваться. Я опять надену тот голубой шарф, помнишь? Он тебе нравился, ты все время на него смотрел! Ты даже не представляешь, что девчонка может быть такой заботливой! Хочешь, я рожу тебе ребенка, у тебя будут наконец свои дети. Мы уедем, поселимся на берегу чистого теплого моря, вы будете гулять у прибоя, играть, пугать чаек, сидящих на камнях, он будет передразнивать их крики, а ты будешь негромко смеяться, а я буду ждать вас и готовить окрошку... и через пять лет, ну, через десять — ты отдохнешь, ты перестанешь страдать и станешь как все. Ну почувствуй же меня, я молодая! Я люблю, люблю, люблю! Не представляешь, как люблю!

Спасибо, отвечала ей дряблая кожа.

Не смей умирать, думала Айрис. Ты всегда был полным, чудовищным эгоистом, так хоть раз подумай обо мне, и так я ничего уже не стою. Как жить, если уйдет единственный, в ком само мое существование порождало чувство — пусть чувство боли, все равно чувство; мне же совсем не для чего станет жить, не умирай, не смей, я отдам тебе его дочь, так и быть, пусть дурит, это ненадолго у нее, стоит только посмотреть на тебя, заморыша, и поймешь, что это ненадолго у нее, но ты будешь бывать у нас, жить у нас, жить с ней, пока ей не опротивеешь, жить с ней — но обо мне... Давай теперь так, и нам опять будет сладко-больно. Она льнула взглядом к синим присохшим векам, гипнотизировала, кричала...

Нет, отвечали ей присохшие веки.

Не смей грубить мне, кричала Айрис. С каких это пор у тебя вошло в привычку умирать при мне, да еще говорить колкости при этом? Ты что, забыл, что всю жизнь меня безнадежно любишь?

Не забыл, отвечали присохшие веки.

Послушайте, растерянно говорил Астахов, уставясь в узкое, запрокинутое, изъеденное тенями лицо. Вы не имеете права. Еще масса дел. Да ничего еще не кончилось! Все только начинается, а вы — бросаете дела. Я-то ведь не знаю, что делать с океанами! Там же кошмар что творится! Разве до отдыха сейчас?

Я тоже не знаю, что с ними делать, отвечало ему запрокинутое лицо.

Но я же действительно не знаю! И никто не знает! Очнитесь, подумайте. Хоть пару слов, хоть намек, а там — уж как хотите, правда. У меня не хватит духу, а ведь это самое главное. Я же... Ринальдо! Я же слабый!

Хорошо бы, если так, сказал Ринальдо. Хватит с нас сильных.

И больше с ним никого не было.

Синий холм на виске пугающе вздулся, замер, затрепетал, а затем медленно опал и перестал шевелиться. Секунду все стояли неподвижно. Потом врач молча взглянул на часы и пошел по кругу, снимая контакты, отдирая присоски. На экране осциллографа сияла узкая, как лезвие, тонкая и неподвижная линия — мимоходом врач щелкнул тумблером, и экран погас.

МЭЛОР

На опушке папоротниковой чащи компания молодых ребят самозабвенно резалась в футбол. Мэлор остановился, прислонившись к шесту, на котором красовалась уже пооблупившаяся надпись: «В ночное время вход в лес запре-

щен. Соблюдать осторожность. Плотоядные лианы!» Некоторое время он бездумно смотрел, как голые по пояс строители, покрикивая друг на друга, гоняют мяч по утоптанной глинистой площадке, за которой, одна вплотную к другой, теснились тяжелые полусферы замерших у котлована экскаваторов. Когда под общие вопли и добродушную, азартную перебранку: «Куда ты смотрел?!» — «А сам-то!» — в ближайшие к нему импровизированные ворота закатили очередной гол, Мэлор оттолкнулся плечом от шеста и не спеша подошел к вратарю.

— Сто лет не играл,— сказал он.— Дайте постоять.

— А ты чьих же будешь? — подозрительно спросил вратарь, звонко похлопывая по мячу широкой ладонью. Его плечи и грудь лоснились, мокрые от пота; от налипшей пыли кожа приобрела лимонный оттенок.

— Астрофизических,— поколебавшись, ответил Мэлор. Парень усмехнулся.

— Что ж вы, астрофизики,— сказал он,— вовремя со звездой не могли разобраться? То давай-давай на Терру, то давай-давай с Терры...

— Только длительные постоянные наблюдения показали опасность,— объяснил Мэлор и с досадой сплюнул.— А, не говори, самому тошно. На Землю вернемся — вставим приемной комиссии фитилей.

Последний звездолет на Землю ушел три четверти часа назад.

— Да уж надлежит,— сказал вратарь.— Сколько мы тут настроили! И главное, все скорей, скорей, в три смены! Обидно...— он внезапным стремительным движением кистей бросил мяч в Мэлора, но Мэлор успел поймать. По лицу вратаря скользнула тень удовлетворения. Он обернулся к сбившимся в кучу игрокам и крикнул:

— Ребята! Тут астрофизик страдает! На ворота хочет. Дадим?

— Все равно делать не хрен,— отозвался один из команды.— Пусть встряхнется.

— Спасибо,— сказал Мэлор и стянул свитер, разорванный от ворота до лопатки. Чжуэр пытался насильно втащить его в катер, а он исступленно отбивался, и кричал: «Оставьте! Я жить не буду!», и отрывал от себя длинные сильные руки, и свитер с мягким шерстяным треском разъехался чуть ли не пополам. Это отрезвило обоих. Еще несколько секунд Чжуэр, тяжело дыша, глядел в лицо Мэлору белыми бешеными глазами, а потом резко повернулся и почти упал в лифт. Вратарь, усмехаясь, посмотрел на свитер, но ничего не спросил. Вытащил из кармана брюк леденец, развернул и, кинув яркую обертку рядом со свитером, развалившемся на колючей голубоватой траве, сунул в улыбающийся рот.

Мэлор вбросил мяч, который почти сразу перехватил противник, и понял, что его будут проверять. Защитники «провалились» с почти очевидной нарочитостью; невысокий, блестящий в жарком полуденном свете мулат, ловко обведя последнего из пытавшихся преградить ему путь, прошел по левому краю поля и с пушечным треском пробил в правый верхний. Мэлор прыгнул. Он чувствовал какую-то дьявольскую легкость; ему показалось, что сейчас он допрыгнет до стоящей в зените звезды. Мяч, больно ударив его по ладоням, свечой ушел вверх. Ребята закричали; мулат в сердцах ударил воздух кулаком и тут же сам зааплодировал.

— Эй, астрофизик,— позвал вратарь сзади.— Возьми варежки, руки отобьешь.

Мэлор обернулся. Парень стаскивал перчатки.

— Играл? — спросил он, посасывая леденец.

— В универсе.

— Неслабо стоишь,— вратарь подошел вплотную.— Как звать-то тебя?

— Мэлор.

— Федор,— сказал вратарь и протянул Мэлору руку. Они обменялись рукопожатием, и Мэлор вдруг понял, что не сможет разжать пальцев. Ему хотелось обнять вратаря. В ушах его звучал и надрывался голос Ринальдо: «Но даже этих замечательных мы не успеем вывезти все равно, все равно! Так не лучше ли дать им спокойно...» В углах глаз проклюнулось и набухло ядовитое, слепящее жжение. Не хватало расплакаться, подумал Мэлор.

— Что с тобой? — с беспокойством спросил Федор.— Мэлор! У тебя что-то случилось?

Мэлор взял перчатки.

— Ничего,— сказал он.— Просто жутко устал.

— Отдыхай,— сказал Федор.— Кнопку застегни, слетит,— заботливо напом-

нил он. Мэлор застегнул.— Мы тоже за эти сорок дней вымотались.— Он, уперев руки в поясницу, со сладким стоном прогнулся и огляделся по сторонам.— А теперь вот играем... Хорошая планета, черт, жалко. Только начало налаживаться... Сколько ей еще осталось, не знаешь?

До схлопывания ядра оставалось от трех до пяти часов.

— Недели три,— сказал Мэлор.

— Значит, еще дней десять тут париться,— проворчал Федор.— Эх, астрофизики... Хорошо хоть, сейчас вовремя засекли. А то шарахнуло бы прямо в разгар энтузиазма...

— Эй, асы! — крикнул мулат, ухмыляясь с ехидцей.— Вас так и будет двое на воротах?

— А что,— сказал тот, кто разрешил Мэлору встряхнуться,— может, и правда возьмем его запасным? На случай, если, скажем, Теодор об Маринку кисть вывихнет?

Все засмеялись.

— Тебе сколько лет?

— Двадцать девять.

Федор присвистнул.

— Старичок...— обернулся к команде.— А может, скажем, что двадцать три? Все равно двадцать девять ему ни одна собака не даст.

— Вот еще, врать. Скажем, как есть. Вечером свободен?

— Свободен,— кивнул Мэлор.

— У нас с монтажниками матч-реванш. Хочешь запасным?

— Хочу.

— Я бы еще пообстрелял,— ревниво сказал мулат, и тот, что разрешил Мэлору встряхнуться, ответил:

— Само собой. Времени вагон.

Мулат легко сорвался с места и, выбивая из площадки тугие облачка лимонной пыли, побежал к мячу с кровожадным криком:

— Угловой! Угловой!

АСТАХОВ

— Радио с Трансплутона. Корабли возвращаются с Терры.

— Корабли? — переспросил Астахов, делая упор на множественное число.

— Да,— ответил секретарь.— Точное количество пока не определено, но несколько десятков сразу.

— Ну что же это такое творится...— с тихим отчаянием проговорил Астахов.— Ничего не понять...— и принялся грубо растирать ладонями лицо.

Он практически не спал уже третьи сутки — работы по океанам было выше головы. А тут еще такие сбои в графике движения звездолетов. Ничего, подумал он, подбадривая себя, справимся, где наша не пропадала. Справимся. Во что бы то ни стало надо справиться, другого выхода просто нет.

Завод законсервировали. Сколько сможем, столько вывезем на Терру, все равно она как нельзя кстати оказывается, остальных попробуем прокормить в Северном полушарии здесь. Часть Северного полушария, возможно, удастся спасти. Даже почти наверняка.

Терра. Что у них там еще с отправкой порожняка? Такая пауза. Теперь идут эскадрой. Самодеятельность какая-то, наверняка идиотская. Как неудобно, что пришлось начинать без связи. Этот Саранцев так ни черта и не сделал, только зря хвалился. Чем он так приворожил покойного Ринальдо? Связи нет и, видно, нескоро будет.

Просто-таки одно к одному, кавардак. Ладно, что делать. Во что бы то ни стало мы справимся с чем бы то ни было...

Он постоял еще несколько мгновений, собираясь с мыслями, а потом вяло двинулся к столу, потому что пора было составлять суточную сводку для Совета.

ЧЖУЭР

Чжуэр шел первым, и отдельно от слитно прокатывающегося по громадному залу шороха шагов тех, кто следовал за ним, резко поскрипывали его высокие ботинки.

Прозрачные двери лифта, подождав, беззвучно съехались за спиною Бекки. Щурясь от яркого света, заливавшего зал ожидания космопорта, Бекки несколько секунд стояла неподвижно, потом почти побежала Чжуэру навстречу — от волнения и ужаса у нее подгибались ноги.

— Мэлор! — выкрикнула она, задыхаясь.— Мэлор Саранцев! Мне сказали — вы должны знать...

Чжуэр остановился. И остановилась компактная группа за ним. Лицо Чжуэра было презрительно непроницаемым.

Теперь, когда чуть ли не у него на глазах скользнуло в могильную бездну едва не полтора миллиона людей; когда его познакомили с текущей экологической обстановкой на Земле; когда ему рассказали о кончине Ринальдо,— он знал твердо цену гуманистам: они умеют только ошибаться да жертвовать собой. Почему так? От непоследовательности, от половинчатости? Оттого, что они всегда хотят, как говорится, и на дерево залезть, и штаны не порвать? Оттого, что они не столько делают дело, сколько на каждом шагу, по любому поводу решают гамлетовские вопросы, от которых у любого нормального человека давно уже скулы сводит с тоски? Или оттого, что каждый из этих хилых праведников слишком занят собой и своей исключительностью и в глубине души считает вполне праведным лишь самого себя, а в других не видит высоких порывов, приписывая их либо наивности, либо тщеславию, либо политическому маневру?

Разобраться в этом — дело психологов. Дело Чжуэра — с этим покончить. Быстро и жестко. Если понадобится — силой. Времени на болтовню и на ошибки уже не осталось.

— Мэлор...— едва слышно выдохнула Бекки.

Она еще надеялась.

Твердо глядя ей в глаза, Чжуэр точным скользящим движением поднял руку и снял фуражку — в просторной тишине скрипнули тугие ремни, крест-накрест перечеркнувшие забронированную глухим комбинезоном широкую грудь.

Откуда-то сбоку почти на цыпочках подошел Варош и, наклонившись к уху Чжуэра, тактично понизив голос, но даже не глядя на рыдающую рядом женщину, произнес:

— Заседание Совета в шестнадцать часов. Ваш доклад поставлен первым.

Чжуэр сдержанно кивнул и надел фуражку.